

Фредрик Т. Олссон

КОНЕЦ ЦЕПИ

Мы ставим пять
с плюсом этому
остросюжетному
роману о мире
на грани катастрофы
за оригинальную
интригу и блестящий
авторский стиль.

Publishers weekly

Фредрик Т. Олссон

Конец цепи

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9811481
Конец цепи. Роман: Центрполиграф; Москва; 2015
ISBN 978-5-227-05807-2*

Аннотация

Вильям Сандберг, в прошлом авторитетный военный шифровальщик, переживает глубокий душевный кризис. Его карьера разрушена, брак распался, и он уже не в силах противостоять темной депрессии. Но, оказывается, таланты Вильяма не забыты. Специалиста по сложным кодам похищают агенты могущественной сверхсекретной организации. На него возлагается сложная миссия: расшифровать страшные пророчества, скрытые в человеческой ДНК. Бывшая жена Сандберга, обеспокоенная его странным исчезновением, отправляется на поиски. Опытная журналистка, она вскоре узнает о существовании затерянного в Альпах замка, где располагается некий засекреченный центр. Тем временем лишенный свободы Сандберг теряется в догадках. Действительно ли его миссия спасительна или цели его тюремщиков грозят планетарной катастрофой? Тем временем по миру начинает стремительно распространяться неведомая эпидемия, справиться с которой

пытаются чудовищными методами. Вильям упорно стремится докопаться до правды, пока еще не слишком поздно.

Содержание

Часть первая	6
1	7
2	9
3	24
4	27
5	56
6	61
7	71
8	93
9	111
10	133
11	155
12	165
Конец ознакомительного фрагмента.	177

Фредрик Т. Олссон

Конец цепи

Роман

Fredrik T. Olsson
Slutet på kedjan

*Published by arrangement with Partners in Stories
Stockholm AB, Sweden*

*Охраняется законодательством РФ о защите
интеллектуальных прав.*

*Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.*

*Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

Copyright © Fredrik T. Olsson 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО
«Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление серии, ЗАО
«Издательство Центрполиграф», 2015

Часть первая

Четырехзначная основа

Ничто никогда не заставило бы меня вести дневник.

События нанизываются одно на другое. Время идет. Жизнь начинается, продолжается, заканчивается, и ничто из всей этой бессмысленной чехарды событий не станет лучше, если фиксировать их на бумаге, а когда-то потом смотреть, что же ты там накропал. В один прекрасный день все закончится, и мне уж доподлинно известно, что, когда земля с шумом обрушится на деревянную крышку, под которой будет покоиться мое брненное тело, ни один дьявол не захочет прочитать, чем, собственно, я занимался в какой-то богом забытый понедельник в марте.

Ничто не заставило бы меня вести дневник.

Кроме одного.

Понимания того, что скоро не останется никого, кто сможет прочитать его.

Вторник, двадцать пятое ноября.

В воздухе кружится снег.

И ужас у всех в глазах.

Человек, которого они застрелили в переулке, умер слишком поздно.

Ему было чуть больше тридцати, одет в джинсы, рубашку и ветровку, чересчур тонкую для такого времени года. Но был он относительно хорошо помытый и относительно сытый – они обещали ему это и выполнили обещание.

Однако никто не уведомил его, что случится потом. И сейчас он стоял здесь.

Запыхавшийся, он резко остановился между каменными фасадами за старым офисом почты, серое облачко пара появлялось и таяло в темноте в такт его дыханию. И похоже, запаниковал, поскольку решетчатая калитка в конце короткой поперечной улицы оказалась запертой на замок. Он надеялся на нее, и сейчас стоял, не зная, куда податься дальше, в то время как три обладателя жилетов безопасности приближались к нему сзади.

Собственно, он был еще жив, когда новость о его смерти за четверть часа до трагического события достигла европейских дневных газет, утонув в потоке прочих телеграмм. Три короткие строчки о мужчине, встретившем свою смерть в центре Берлина сразу после четырех ночи в четверг. Из сообщения не явствовало, что он был безработным и имел проблемы с наркотиками, но именно такое впечатление со-

здавалось, если прочитать сообщение. Все так и задумывалось. Когда приходится лгать, надо придерживаться истины.

В зависимости от наличия места такая заметка могла оказаться в завтрашнем номере, но далеко не на первой полосе в колонке среди прочей подобной ерунды. И это также была мера предосторожности, одна из многих и, возможно, не столь необходимая. Объяснение на случай, если кто-то посторонний увидит, как они поднимают безжизненное тело в темноте, несут его к ожидающей «скорой», с шумом захлопывают ее задние двери и устремляются куда-то сквозь мелкий ледяной дождь под шум сирены и с включенной мигалкой.

Но направляются они не в больницу.

Впрочем, больница уже ничем не могла помочь.

В машине молча сидели трое мужчин. Они надеялись, что успели вовремя.

Но не тут-то было.

Полиции понадобились лишь секунды, чтобы форсировать украшенную витражами двойную дверь на лестничную площадку, разбить стекло и открыть замок изнутри.

Иное дело решетка, прятавшаяся за дверью. Наверняка сертифицированная, тяжелая и, возможно, ужасно дорогая. Она тоже оказалась запертой и мешала им войти и оказать помощь мужчине средних лет, который, по их данным, находился в квартире.

Если он был еще жив.

С полицией Нормальма связались рано утром, и дежурный на коммутаторе потратил немало времени, стараясь убедиться, что звонившая женщина в здравом уме, не пьяна и не пытается подшутить над ним. Этот мужчина из числа ее знакомых? Да, так и есть. А может, он находится где-то в другом месте? Нет, исключено. Как давно она потеряла его из виду? Не так давно, они общались по телефону вчера вечером, он был спокоен и говорил о другом. Поэтому она и испугалась. Если он жаловался, это было в порядке вещей, но сейчас он явно воспрянул духом, и она не могла понять почему. Казалось, он что-то скрывал. Когда она позвонила ему утром и он не ответил, ее как ножом резануло. Он попытается снова!

Женщина выражалась четко и внятно, и, когда дежурный наконец убедился, что ей стоит верить, он поднял по тревоге

полицию и скорую и переключился на следующий звонок.

И уже первый прибывший на место патруль смог констатировать, что дамочка, возможно, права.

Дверь была заперта.

Сквозь украшавшие ее витражи проглядывал узор стальной решетки. Откуда-то издалека доносились звуки классической музыки, очевидно исполняемой по радио, которые смешивались с шумом воды, переливавшейся через край переполненной ванны.

Это представлялось плохим знаком.

Кристина Сандберг стояла на две ступеньки ниже лестничной площадки и сквозь окружавшую шахту лифта черную металлическую сетку жадным взглядом ловила каждое движение из происходившего перед входной дверью ее бывшей квартиры.

Желтые искры горящей металлической стружки дождем лились из-под болгарки слесаря, когда он пытался форсировать чертову стальную преграду, ту самую, которой она сопротивлялась так долго, пока не поняла, что придется смириться с ней после того вечера, когда все перевернулось с ног на голову.

Они поставили решетку, чтобы она защищала их. А сегодня именно из-за нее он мог расстаться с жизнью. И если бы не страшное беспокойство, охватившее ее, она бы ужасно разозлилась.

За спиной слесаря переминались с ноги на ногу четверо полицейских в ожидании, когда придет их черед, а за их спинами – двое столь же рвущихся в бой медиков из скорой. И сначала они позвали его.

– Вильям! – крикнули они. – Вильям Сандберг!

Но в конце концов сдались, замолчали и позволили слесарю заняться своим делом.

А позади них на лестнице стояла женщина, поднявшая тревогу.

Она последняя появилась здесь. На ходу натянула джинсы, надела замшевую куртку, кое-как привела в порядок волосы и бросилась к автомобилю, припаркованному на улице, которую не собирались убирать раньше следующей недели, и сама она обещала себе не подходить к нему вплоть до выходов.

К тому моменту она уже несколько раз пыталась позволить ему, сначала как только встала, потом по пути в душ и затем даже еще не успев просушить волосы. После чего набрала номер службы спасения, и, казалось, прошла вечность, прежде чем заставила их поверить в то, что уже знала сама. Почувствовала, когда проснулась. Но попыталась выбросить это из головы в той же манере, как избавлялась от угрызений совести, всегда начинавших мучить ее, как только они давали друг другу знать о себе.

Собственно, она ненавидела себя за то, что по-прежнему поддерживала контакт с ним. Он воспринял все тяжелее, чем

она, и, несмотря на два года переливания из пустого в порожнее, дискуссий и рассуждений о том, зачем и почему, сегодня все чувствовалось точно так же, как и тогда. Ей выпала большая честь горевать за них обоих плюс дополнительная порция чувства вины, поскольку она не считала такое разделение по-настоящему справедливым.

Но жизнь несправедлива.

Иначе она не стояла бы сейчас здесь.

В конце концов решетка сдалась, и полицейские вместе с медиками устремились в квартиру перед ней, а потом, казалось, время остановилось. Их спины исчезли в длинном коридоре, и прошло ужасно много секунд, или минут, или даже лет, прежде чем музыку там внутри выключили, а потом и воду тоже. Наступила тишина, продолжавшаяся до тех пор, пока они наконец не вернулись.

И, стараясь не встречаться с ней взглядами, обходя острые углы, выбрались из коридора, прошли по узкому проходу мимо лифта и резко повернули, чтобы оказаться на изогнутой лестнице и при этом не повредить украшенных дорогим декоративным покрытием стен, а потом направились вниз. Быстро, но осторожно, медленно поспешая.

Кристина Сандберг прижалась к стальной сетке, пропуская носилки вниз, к ожидавшей на тротуаре машине скорой помощи.

На носилках с пластиковой кислородной маской на лице

лежал тот, кого она когда-то называла своим мужем.

Вильям Сандберг не хотел умирать.

Или, точнее говоря, не ставил данную цель на первое место.

Он лучше бы жил и чувствовал себя хорошо, влачил бы понемногу земное существование, научился бы забывать, нашел бы для себя причину стирать одежду и, просыпаясь каждое утро, надевать ее и отправляться на улицу и делать что-то, значимое для кого-то другого.

Не требовалось даже, собственно, все из этого. Пары вещей вполне хватило бы. И прежде всего, он нуждался в причине не думать о том, что причиняло ему боль. Сейчас с этим ничего не получилось, и альтернатива из его списка состояла в том, чтобы положить всему конец.

И в этом ему тоже не слишком повезло.

– Как ты чувствуешь себя? – спросила стоявшая перед ним молодая медсестра.

Он полусидел в больничной кровати, застеленной на старинный манер с простыней, загнутой поверх краев желтого одеяла, словно система здравоохранения по-прежнему ничего не знала о существовании пододеяльников, и смотрел на нее, стараясь не показать, насколько его измучили всевозможные проблемы неясного свойства из-за ядов, оставшихся в его теле.

– Хуже, чем ты хотела бы. Лучше, чем входило в мои на-

мерения.

Ее улыбка в ответ удивила его. Она была блондинкой, не старше двадцати пяти и, кроме того, красавицей. Или о последнем позаботился мягкий свет из окна за ее спиной.

– Похоже, твое время еще не пришло, – заметила она. Просто и непринужденно. И это тоже удивило его.

– Мне еще представится случай, – буркнул он.

– Я рада за тебя, – сказала она. – Мужчина должен оставаться оптимистом в любой ситуации.

Ее улыбка была идеально отмеренной. Достаточно широкой, чтобы подчеркнуть иронию в ее словах, но не более того, и внезапно у него не нашлось ответа и появилось неприятное ощущение, что их разговор закончился и победа осталась за ней.

Несколько минут он лежал молча и смотрел, как она работала в его комнате. Без лишних движений, следуя хорошо отработанной схеме. Поменяла капельницу и сделала множество других процедур, заносила свои действия в журнал и сверялась с ним. И все в полной тишине, так что в конце концов ему стало казаться, что он неправильно понял ее и она на самом деле никогда не подшучивала над ним.

Потом она закончила со всеми своими заданиями. В силу профессиональной привычки поправила ему простыню, пусть это ничего не изменило. Выпрямилась.

– Постарайся не надеть глупостей, пока я отсутствую, – предупредила она. – Пока ты здесь, результатом станут толь-

ко лишние хлопоты для тебя и для нас.

Она дружески подмигнула ему на прощание, вышла в коридор, и благодаря хитрому приспособлению дверь сама закрылась за ней.

Вильям лежал в кровати и ощущал странный дискомфорт, хотя для него вроде отсутствовали какие-либо причины. Ему было просто неуютно. Почему? Может, он разозлился из-за того, что она не стала сюсюкаться с ним? Или же ее сухие комментарии оказались слишком неожиданными для него, и ему в какое-то мгновение показалось, что его провоцируют, чуть ли смеются над ним?

Нет.

Уже через несколько мгновений он знал ответ.

Черт.

Все дело было в юморе. Именно в ее юморе.

Все было точно так, как она сказала.

Внезапно непонятные недомогания, мучившие его тело, перестали докучать ему. И пусть их вызывали самые разные причины, будь то недостаток соли, или обезвоживание, или куча всякого постороннего дерьма, накопившегося в его организме от всех принятых им таблеток, все они исчезли, словно их и не было. Даже порезы на запястьях, уже начавшие подживать под повязками, перестали болеть. А взамен его начало беспокоить нечто иное. Ощущение, которое всегда возвращалось, наваливалось на него с удвоенной силой каждый раз, когда он позволял себе забыть о нем, заставив-

шее его пойти в ванную вчера вечером и принять решение. Притом что он даже сам не знал, в какой по счету раз подобное с ним происходило.

Поскольку не мог истолковать для себя эти знаки свыше.

Только так он смог сформулировать это для себя, как бы забавно подобное ни звучало.

Он не мог объяснить происходившее с ним.

Вот так, черт побери.

Ему следовало попросить у нее какое-нибудь успокоительное, пока она не ушла. Или болеутоляющее, или лучше пулю в лоб, если бы она смогла помочь ему с этим, хотя откуда у нее такие возможности.

Сейчас он оказался в той же точке, что и вчера вечером. Тогда он тоже, казалось, провалился в темноту и летел вниз с единственным желанием, по крайней мере, удариться о дно и, если повезет, разбиться насмерть и избавиться от всех мыслей, которым удавалось постоянно командовать им. Дававших ему крохотную искорку надежды с единственной целью вернуться снова, ударить его со всей силой и показать, что именно в их руках власть, а не у него.

Он протянул руку к проводу, висевшему на стене. Подтащил к себе напоминавший тубик пульт, собираясь позвать помощь. Втайне надеясь, что придет другая медсестра, поскольку для него казалось унижительным, после того как он вроде бы четко сформулировал свои намерения, просить у нее снотворное. Хотя если он сможет в результате немного

поспать, это, пожалуй, того стоило.

Он решился и нажал на кнопку.

И к своему удивлению, ничего не услышал.

Нажал снова и подержал дольше.

С тем же результатом.

Здесь нет ничего странного, попробовал он успокоить себя. Он же звонил не себе. А в какую-то комнату, где сидели врачи и занимались своими делами. И сейчас кто-то должен среагировать и послать сестру узнать, в чем дело.

Потом он посмотрел на лампу. Красную, закрытую конусообразным пластиковым колпаком на стене как раз над пультом, от которой к нему тянулся провод. Лампа ведь должна загореться, по крайней мере? Если он сейчас не слышал сигнала, она же должна была вспыхнуть в качестве доказательства, что он действовал правильно?

Он нажал снова. И еще раз. Но ничего не произошло.

И настолько увлекся своими попытками вызвать персонал при помощи неисправного пульта, что вздрогнул, когда дверь открылась. Он прищурился и попытался торопливо решить для себя, какую манеру ему выбрать: защищаться или нападать. Ругаться по поводу перегоревшей лампы или извиниться из-за того, что он звонил так истерически?

Но дальше он не успел зайти в своих мыслях, прежде чем его глаза привыкли к изменению освещения, а тогда вопрос отпал автоматически. Ведь стоявший у него в ногах мужчина, судя по его виду, не имел никакого отношения к меди-

цине. Он был одет в костюм, рубашку без галстука и непропорционально топорные для подобного наряда ботинки. И ему, пожалуй, было за тридцать. Хотя всегда трудно оценивать людей с бритой головой, особенно когда они явно поддерживают нормальное состояние своего тела путем долгих и упорных тренировок. Возможно, ему только двадцать пять. Или, наоборот, сорок. И в руке он держал цветы.

– Они для меня? – спросил Вильям, кивнув в их сторону, поскольку ничего больше не пришло ему в голову, а мужчина посмотрел на свой букет, словно сам забыл о его существовании.

Но он ничего не ответил. И избавился от него, положив в раковину. Цветы уже сыграли свою роль, помогли ему проникнуть внутрь и пройти по всем коридорам, не привлекая к своей персоне внимания.

– Вильям Сандберг? – спросил он.

– Не в самом лучшем состоянии, – ответил Вильям. – Но да, это я.

Ситуация выглядела невообразимо странной, и он судорожно попытался взять себя в руки. Мужчина не был врачом. Определенно не принадлежал к его знакомым. Он просто стоял, молчал, в то время как они смотрели друга на друга. Мерили друг друга взглядами, именно такое создавалось впечатление, даже если Вильям вряд ли был способен на что-то иное в своем нынешнем положении.

– Мы искали тебя, – наконец сказал мужчина.

Неужели? Вильям попытался понять, что визитер имел в виду. Насколько ему помнилось, никто не связывался с ним в последнее время, но вряд ли он заметил бы, если они и сделали это.

– У меня хватало забот.

– Мы поняли это.

Мы? О чем, черт возьми, речь?

Вильям еще приподнялся в кровати, попытался иронично улыбнуться.

– Я с удовольствием угостил бы чем-нибудь, но они не так щедры на морфий здесь, как я надеялся.

– Нам понадобится твоя помощь.

Это прозвучало как гром среди ясного неба, слишком быстро, и что-то в голосе незнакомца на мгновение выбило Вильяма из колеи. Парень по-прежнему смотрел на него, не отводя взгляда, но сейчас в его глазах проявились эмоции. Волнение. Пожалуй, даже страх.

– Тогда, мне кажется, ты обратился не к тому человеку, – сказал Вильям и развел руки в стороны. Насколько это получилось. Трубки от капельниц и провода аппарата ЭКГ ограничивали его движения и помогли усилить то, что он попытался сказать: Вильям Сандберг в его нынешнем положении вряд ли способен чем-либо помочь кому-то.

Но парень покачал головой:

– Мы знаем, кто ты.

– Кто это – вы?

– Это не важно. Важен ты. И важно то, что ты можешь.

Ощущение, пронзившее тело Вильяма, было знакомо ему, но сейчас оно свалилось как снег на голову. Подобного разговора он ждал десять или, лучше сказать, двадцать лет назад. Тогда он был готов. Но не сегодня.

Стоявший у его ног мужчина говорил на отличном шведском, но все равно с каким-то еле заметным акцентом. Слишком хитрым, чтобы привязать его к какому-то конкретному месту. Но определенно он существовал.

– Откуда ты?

Парень посмотрел на него. Притворно разочарованным взглядом. Как бы давая Вильяму понять, что он не получит ответа и даже не вправе спрашивать.

– СЭПО? Оборонительные силы? Иностранная держава?

– Мне жаль. Но я не могу сказать.

– Ладно, – сдался Вильям. – Ты можешь передать привет тем, кто прислал тебя, и поблагодарить за цветы.

Последние слова он произнес категоричным тоном. Показывая, что разговор закончен, и подчеркнул это, снова взяв в руку пульт с сигнальной кнопкой. Нажал на нее большим пальцем и долго держал, не сводя взгляда с молодого мужчины. Ничего не произошло.

– Если бы она работала, загорелась бы лампа, – пояснил незнакомец.

Неожиданно Вильям посмотрел на него.

Снова они какое-то мгновение взглядами оценивали силу

друг друга, а потом Вильям отпустил пульт, и тот упал ему живот, на желтое одеяло.

– Мне пятьдесят пять лет. И я не работаю последние десять из них. Мое время истекло, когда-то я кое-чего стоил, но сегодня от меня прежнего осталось одно воспоминание.

– Мои шефы придерживаются другого мнения.

– И кто они?

Вильям сказал это резким тоном, поскольку уже устал от их разговора, и его единственным желанием стало получить свое снотворное и забыться на время, а не играть в холодную войну с каким-то сопляком с опозданием на несколько десятилетий.

Но молодой мужчина сам закончил разговор.

– Мне жаль, – сказал он. Вдохнул разочарованно, перенес вес на одну ногу и развернулся.

«Чтобы уйти, – подумал Вильям. – Странный конец странной встречи».

Но когда незнакомец открыл дверь в коридор, там стояли двое других мужчин в ожидании команды войти.

Часы показывали десять минут второго пополудни, когда команда врачей отправилась в обход по отделению скорой помощи Каролинской больницы посмотреть, как обстоят дела с их пациентами.

Они преодолели половину своего обычного маршрута без каких-то больших сюрпризов, и следующим у них на очере-

ди был мужчина пятидесяти пяти лет, неудачно пытавшийся покончить с собой. Хотя речь могла идти просто о еще одной рискованной попытке привлечь внимание близких людей, которые не хотели его слушать. В любом случае он наглотался таблеток и перерезал себе вены, но явно по ошибке съел слишком мало всякой гадости, и в результате его жизни ничего не угрожало еще тогда, когда привезли в больницу. Поэтому сейчас, после того как он получил кровь для восполнения потерь в результате ран и для уменьшения концентрации лекарств, оказавшихся в его организме, они уж точно не собирались долго держать его у себя.

Так или иначе, никто не сомневался в том, что уже скоро им не придется отвечать за него, и, остановившись перед дверью его палаты, доктор Эрик Тёрнелль перелистал свой журнал и, закрыв его, коротко кивнул коллегам, давая понять, что здесь они долго не задержатся.

Первое, что они увидели, войдя в комнату, была пустая кровать.

Опрокинутая ваза на тумбочке наводила на неприятные мысли, простыня валялась на полу, а шланги капельниц свисали вниз, туда, где еще недавно находился пациент.

Ванная также оказалась пустой, так же как и шкафчик, где ранее лежали вещи самоубийцы, вытасченный из маленького бюро ящик валялся на полу.

Вильям Сандберг исчез.

После часа поисков стало ясно, что его вообще нет на тер-

ритории больницы и никто не знал почему.

Машина скорой помощи, в сущности не являвшаяся таковой, стояла брошенной посередине большого поля представителей дикой флоры из тех, какие растут сами по себе помимо человеческой воли и упрямо противостоят любым попыткам убрать их с поверхности земли, раз за разом возвращаясь на отвоеванные у них пространства и используя для этой цели любые овраги, ямки и воронки. Своей способностью выживать они как бы подсмеиваются над окружающим миром, но подобный ироничный аспект не замечали те, кто знал о существовании данного места.

Мужчины, ранее изображавшие медперсонал и ходившие в светящихся в темноте жилетах, были уже далеко. После душа, дезинфекции, приведя себя в порядок, они завершали последний этап предписанной им процедуры безопасности.

В «скорой» остался только бездомный.

Они убили его, и это не вызывало никакого сомнения. Но наверное, сначала дали ему нечто новое? Лучшее? Кто знает, смог бы он продолжать в том же духе, приняла бы его улица снова, даже если бы он остался в живых? После того как он получил еду, одежду, жилье. Работу. Спорт. Даже что-то вроде образования.

Просто никто и в страшном сне представить не мог, что он выживет.

Не ему было выбирать.

– Такова судьба, – сказал молодой мужчина в вертолете, словно каждая из мыслей Коннора высвечивалась бегущей строкой где-то у всех на виду.

Они сидели друг напротив друга с обязательной гарнитурой на голове, которая не только позволяла им общаться между собой, но и заглушала дьявольский шум винтов, проникавший в кабину снаружи.

Коннорс кивнул в ответ. Как бы подтверждая, что с этим не поспоришь.

– Будем? – спросил молодой.

Сейчас Коннорс помедлил с кивком, хотя оба они прекрасно знали, что деваться некуда. В первых лучах восходящего солнца без бинокля «скорая» выглядела маленькой блестящей точкой, но он все равно не осмеливался отвести от нее взгляд.

Словно это могло предотвратить неизбежное.

Как будто он сидел со школьным учебником в одной руке и с ответами в другой и пытался получить нечто совсем иное, прекрасно зная, какой должен быть результат.

Ответственность. Нечего не поделаешь.

Но сейчас альтернативы не существовало.

Когда он наконец дал свое согласие, его движение головой было столь неприметным, он с таким же успехом мог качнуться от того, что вертолет попал в воздушную яму. Однако его молодой напарник отреагировал должным образом. Тем

более пульт он уже держал в руке, и ему оставалось только нажать на кнопку.

Когда машина взорвалась, утонув в облаке желтого дыма, их задание закончилось.

И новое поколение сорной травы и полевых цветов получило образовавшуюся воронку в свое распоряжение.

Вильям Сандберг проснулся второй раз за день, в который он, собственно, не планировал просыпаться вообще, когда находился на высоте нескольких тысяч метров над землей.

И как только он понял это, от его сна не осталось и следа.

Он сидел в кожаном кресле, мягком, теплом и достаточно глубоком, чтобы оно с таким же успехом могло находиться в домашнем кинотеатре какой-нибудь богатой виллы, а за иллюминатором прямо напротив него светило яркое солнце, и чуть ниже раскинулся безбрежный океан белых облаков.

Он находился в самолете. Спал.

Как обычно, сон не спешил уходить и, даже растаяв, как дым, оставил после себя неприятный осадок. Он подумывал, как приучить свой мозг совершать экспедицию назад к истокам тягостного ощущения и попытаться понять причину, вызвавшую его. Зачастую в этом случае повторялась одна и та же история. Не удавалось вернуться в мир Морфея и восстановить уже потерявшиеся в тайниках памяти картинки. Одновременно он знал, что это самый эффективный способ полностью избавиться от них.

Однако решил не напрягаться. Не тратить умственные силы на такую ерунду, и продолжал сидеть неподвижно, как будто малейшее его движение позволило бы им обнаружить, что он проснулся. Словно в результате они могли прийти и

разобраться с ним.

Они? И о ком же шла речь?

Этого он не знал.

Его последним воспоминанием были трое одетых в костюмы мужчин в больничной палате. Он ощущал неприятную сухость во рту. А его единственное знание сводилось к тому, что у того, в чьей компании он сейчас находится, явно имелись деньги.

Он не впервые сидел в частном реактивном самолете. Однако этот оказался самым шикарным из всех, которые он когда-либо видел изнутри. Его комнату (а это действительно была пусть очень маленькая, но все-таки комната с креслом и прикрепленным к стене столом, составлявшими вместе единое рабочее место) отделяла от остальной части воздушного судна панельная перегородка. Аккуратная, выполненная под дерево дверь в ней, скорее всего, вела в небольшой коридор, протянувшийся вдоль левого борта самолета. И он подумал, что она, вероятно, заперта. Ее, конечно, не составило бы труда взломать при необходимости. Но она наверняка была на замке.

Впрочем, откуда такая уверенность? – спросил он самого себя.

И почему он, собственно, решил, что находится здесь в качестве пленника. Свободно затянутый на его животе ремень ничем не отличался от обычного ремня безопасности, а когда Вильям расстегнул его, ему уж точно ничто не мешало

встать, будь у него на то желание.

Поток свежего воздуха из вентилятора на потолке над ним. Приятного, теплого от солнца за бортом. Вчера он до одури наглотался таблеток, а сегодня сидел здесь одетый в белую больничную рубашку и бесформенные брюки в кресле, цена которого, возможно, превышает его годовую зарплату. Если так выглядела смерть, то она обладала довольно странным чувством юмора.

Его присутствие здесь удивляло Вильяма. И каким-то образом раздражало его. В определенный и довольно долгий период своей жизни он был постоянно готов к такому повороту событий или гораздо худшим вещам.

В конце восьмидесятых, когда Вильяму было под тридцать, а миром правили две супердержавы, враждовавшие между собой, за ним в нескольких случаях неотступно следили по всему Стокгольму. Тогда он останавливал свой автомобиль и совершал прогулку пешком по сложному маршруту через универмаги и торговые центры, точно как его инструктировали, и избавлялся от хвоста. Ему приходилось добираться домой на такси и просить коллег забрать его машину несколько дней спустя, все согласно правилам. А на вилле, где он жил, были установлены камеры наружного наблюдения и система охранной сигнализации, почти совершенно невидимые для постороннего глаза и исключительно высокотехнологичные для той поры. Но, несмотря на это, он периодически мог слышать необъяснимые щелчки в телефоне,

или его соседей время от времени навещали странные торговцы картинами, которые, даже не сумев сбыть свой товар, еще долго сидели в автомобилях, припаркованных таким образом, что из них открывался прекрасный вид на дом Вильяма. Он просто-напросто представлял собой крайне интересную цель, и это являлось одним из побочных эффектов его работы.

Но это в ту пору когда он был активный, молодой, подавал большие надежды (в далеком прошлом, как он обычно говорил) и обладал исключительными и пользовавшимися большим спросом знаниями. Сегодня же он давно отошел от дел, и от него прежнего осталось жалкое подобие. И ныне с большей частью его тогдашней работы мог бы справиться компьютер за четыре тысячи крон из супермаркета.

Он избавился от этих мыслей. Вряд ли ведь из-за такого развития событий его забрали из больницы. И ведь он исключительно по собственной глупости сделал невозможным свое дальнейшее пребывание в организации, где тогда трудился. Лично выкопал себе яму, прыгнул в нее и продолжал копать дальше. И он знал это сам, постоянно, с необъяснимым наслаждением наблюдая, как построенное им сооружение рушилось вокруг него.

И сейчас он сидел здесь. С затекшими мышцами, пересохшим горлом и двумя глубокими порезами на кистях. В маленьком суперсовременном реактивном самолете. На пути неизвестно куда, поскольку он, судя по всему, понадобил-

ся каким-то военным.

Это выглядело абсолютно нелогичным.

Вильяма Сандберга похитили.

Но с опозданием по крайней мере на десять лет.

Молодой практикант сделал ту же самую ошибку, как и все в редакции в то утро.

Он сидел перед большим экраном и боролся со сном, мешавшим ему сосредоточиться на статье, которую требовалось написать, и, как обычно, переключился на бесконечный поток телеграмм, якобы из-за желания быть в гуще событий, хотя тем самым просто пытался на время увильнуть от работы, вроде бы переключившись на другую.

Он фокусировал свой взгляд на всем подряд. Просматривал отчеты новостных агентств со всего мира, короткие заметки на английском обо всем на свете.

Ужасно скучное занятие. Но хоть чуточку веселей, чем тысяча пятый день подряд пытаться подытожить дебаты вокруг планов перестройки известного района Стокгольма. И даже если десять из десяти телеграмм можно было просто стереть, поскольку они выглядели слишком крохотными или не важными либо чисто географически не касались газеты, все равно ведь он мог утверждать, что выполняет настоящую работу. И если бы кто-то спросил, чем он занимается, ответить, что читает телеграммы. Подобное звучало гораздо лучше, чем признаться в неспособности сочинить статью из-за

мучившего его похмелья.

Сейчас он сидел с очередной неинтересной заметкой на экране, готовый нажать на клавишу стирания безымянным пальцем правой руки. Ночью в одном из переулков Берлина нашли мертвым бездомного мужчину, и, даже если это напрямую не следовало из текста, он явно находился под дозой или выпил слишком много, заснул на улице и замерз насмерть. Это была новость местного значения, к тому же слишком мелкая. И всего лишь одна из сотен заметок, которые он просто пробегал глазами и сразу забывал о них.

Он пытался победить зевоту, но не преуспел в этом.

– Не выспался вчера?

Женский голос прозвучал совсем близко, а он по-прежнему сидел с открытым ртом.

И черт с ним.

Он сознательно не стал снимать кепку, когда пришел, и попался на собственную удочку. Она ведь не только закрывала его лицо от посторонних глаз, но также не позволяла ему видеть происходившее выше монитора, если только не задирать голову вверх.

А этого он не сделал. И сейчас она стояла там, и, интересно, как долго? По крайней мере, достаточно, чтобы увидеть, как он проветривает глотку за всю редакцию.

– Нет, – ответил он, одновременно сняв кепку и попытавшись выглядеть как можно бодрее.

Женщина ничего не сказала, как он и предполагал, и это

вполне предсказуемо еще больше выбило его из колеи. Кристина Сандберг была наверняка лет на двадцать старше его, но привлекательной каким-то почти необъяснимым образом, милой, естественной, возбуждающе приятной. Волнующей воображение не потому, что она обладала каким-то особым шармом, а поскольку он не видел у нее никаких непозволительных изъянов, которые мешали бы ему постоянно бросать взгляды в ее сторону и столь же постоянно терять способность конструировать полноценные предложения, как только он пытался заговорить с ней.

– Я отправил все тебе, – сказал он и еле заметно кивнул в надежде тем самым объяснить то, что не сумел выразить словами.

В его обязанности входило принимать сообщения, предназначенные для нее, когда она находилась вне зоны доступа. Кристина кивнула в знак благодарности за его труды и направилась в сторону своего кабинета, коротко приветствуя сотрудников, встречавшихся ей по пути.

Кристина показалась ему более угрюмой, чем обычно. Но он решил не заморачиваться на этом, он же не знал ее толком, но слишком хорошо знал себя и прекрасно понимал, что его жизнь нисколько не улучшит безответная любовь к успешному главному редактору, вдобавок годившемуся ему в матери.

Он снова обратил взор на экран. К тексту о мертвом бездомном мужчине в Берлине. С помощью быстрого нажатия

на клавишу все три строчки переместились в электронную корзину для мусора, а молодой человек перевел взгляд на следующую неинтересную новость.

Кристина закрыла дверь в свой кабинет, повесила замшевую куртку на крючок рядом со стеклянной стенкой и позволила себе на несколько секунд закрыть глаза. Пожалуй, кто-то мог видеть ее, но и черт с ним. Она знала, что через несколько минут будет в порядке снова, быстра на язык и полна энергии, и к концу дня в любом случае никто не вспомнит о ее секундной слабости.

Утро получилось суровым. И оно сменило тяжелую ночь. Она видела, как ее бывшего мужа выносили на носилках и как он исчез в карете скорой помощи. Пожалуй, по-хорошему стоило сесть в машину и следовать за ними. Наверное, было бы более человечно провести первую половину дня на стуле в коридоре в ожидании, когда он очнется, а потом пересест на другой стул около его кровати и разговаривать с ним, переливая из пустого в порожнее, и спрашивать, почему он так поступил.

Но от гуманизма Кристины в отношении его давно не осталось и следа. Она сохраняла человеческое отношение к нему насколько могла, а потом оно стало угасать и сошло на нет. Вильям напоминал автомобиль, от которого требовалось избавиться черт знает когда (по его собственным словам), из тех, на кого тратят деньги и время, но они, уже мино-

вав определенный предел, продолжают ломаться. Он не мог стать здоровым снова, поскольку сам этого не хотел, потеряв веру или желание или что там сейчас требовалось, когда речь заходит о способности управлять собственной жизнью. И в какой-то момент чуть не потянул Кристину за собой, но, к счастью для нее, она не выдержала и просто оставила их квартиру в один прекрасный день два года назад.

Она никогда больше не появлялась там вплоть до сегодняшнего дня. Конечно, он продолжал звонить и, конечно, доставал ее каждый раз, когда она отвечала, но ей удавалось держать его на расстоянии, и постепенно, постепенно она стала самой собой снова. Не потому, что ее печаль ушла, просто вполне уживалась вместе со всем другим.

Она хотела сохранить все именно в таком виде. Не могла позволить ему утащить ее в беспросветную тьму снова. Поэтому не провела день в больнице, а позвонила в газету и предупредила, что появится только после обеда.

И проболталась почти четыре часа в городе. Попыталась расслабиться таким же образом, как всегда делала. Отключила телефон, пошла в большой книжный магазин на Местер-Самуэльсгатан, отобрала огромную кучу газет и журналов в отделе зарубежной периодики, пусть большинство из этого она могла прочитать совершенно бесплатно у себя в редакции. А потом расположилась в баре Гранд-отеля и заказала себе невероятно дорогой завтрак, хотя уже ела, и просидела там до тех пор, пока все большие мировые события не

вытеснили ее личные проблемы на второй план и не низвели их до уровня не важной безделицы. А закончив с этим, прогулялась по ноябрьскому холодку через весь город до расположенной на Кунгсхольмене редакции.

Наказание не заставило себя долго ждать. Оно сразу обрушилось на нее в форме тысячи ожидавших решения редакционных вопросов, телефонных разговоров, которые ей требовалось провести, и прочих дел. Но теперь она была готова разобраться с ними.

Кристина включила свой мобильный телефон. И начала просматривать электронную почту, в то время как он самостоятельно связался с ближайшей мачтой и известил о своем возвращении в Сеть, что в итоге разрушило ближайшие планы Кристины. Поскольку, когда мобильник запищал, информируя ее о тридцати неотвеченных вызовах, она увидела четыре сообщения от практиканта, согласно которым ей звонили из больницы и просили связаться с ними.

Даже если ее сослуживцы почти наверняка забыли бы, что она начала рабочий день с закрытыми глазами, у всех уж точно надолго осталось в памяти, как она закончила его четыре минуты спустя, торопливо прошествовав к выходу с телефоном в руке.

Вильям просидел неподвижно в своем самолетном кресле по крайней мере десять минут, прежде чем в первый раз пошевелился. И наострил уши в надежде по каким-то звукам,

обрывкам разговоров понять, где находится и вместе с кем.

Но так и не получил никаких путеводных нитей.

Он слышал только слабый шум реактивных двигателей, жалостное стенание корпуса самолета, когда машина проваливалась в воздушные ямы, но никаких голосов, никаких шагов, ничего, свидетельствовавшего о присутствии на борту кого-то еще помимо него. Что представлялось обязательным условием.

Внезапно он понял, что голоден. Попытался понять, как давно ел в последний раз, но снова без успеха. Во-первых, он не знал, как долго находился без сознания. Во-вторых, получил внутривенное питание через капельницу в больнице, из-за чего желудок, вероятно, позднее, чем следовало, дал знать о себе.

К сожалению, он понятия не имел, который сейчас час, поскольку в противном случае ему, пожалуй, удалось бы оценить, где он находится и куда они собираются доставить его.

Они. Кто же они такие?

Он склонился на маленький пульт перед своим сиденьем. Какое-то мгновение раздумывал, стоит ли нажать на кнопку со стилизованным изображением стюардессы, но посчитал это глупой идеей и отказался от нее. Вместо этого поднялся, слегка ссутулившись (высота кабины вполне позволяла ему стоять прямо с запасом где-то в дециметр), и за два шага доковылял до маленькой двери.

Он колебался. Взвешивал свои возможности.

Даже если благодаря хорошей звукоизоляции фоновый шум был здесь значительно тише, чем в обычном пассажирском самолете, его по-прежнему хватало, чтобы заглушить любые движения. Если кто-то ждал за дверью, он вряд ли услышал, как Вильям встал и подошел к ней. В теории он смог бы получить значительное преимущество только за счет эффекта неожиданности, внезапно перешагнув порог.

Но на практике, с другой стороны, эффект неожиданности уже перестал бы работать еще до того, как он успел воспользоваться им. Он же по-прежнему находился не в лучшем состоянии из-за всей химии, которую запихал в себя за последние сутки, и был далек от своей прежней формы. То, что ему наверняка удалось бы тогда, не стоило даже пробовать сегодня.

Но он не мог также просто стоять.

И решил рискнуть. Что бы ни ожидало его впереди.

Взялся за круглую ручку. Почувствовал холодный металл на своей ладони.

Повернул. Осторожно. Ручка подалась, через четверть оборота щелкнул замок, и дверь открылась.

К его удивлению, за ней никто не стоял. Никакого оружия и мрачных мин, никого, кто велел бы ему оставаться внутри, пока его не позовут. Поэтому он шагнул вперед, остановился и огляделся. Перед его каютой действительно находился тянувшийся вдоль левого борта самолета узкий коридор с такими же полукруглыми иллюминаторами, как и в помеще-

нии, где он проснулся. На полу лежало толстое ковровое покрытие, которое, возможно, стоило половину его сбережений, стены были обиты искусственной огнестойкой кожей. А дальше, всего в нескольких метрах, находился более традиционный самолетный салон с двумя десятками сидений, столь же шикарных, как и доставшееся ему, но расположенных по два с каждой стороны среднего прохода.

Если Вильям ожидал бурной реакции на свое появление, ему осталось только признать, что он ошибся.

Вдалеке у закрытой двери кабины пилота сидели двое мужчин. И тот из них, кто находился спиной к нему, даже не повернулся, тогда как его визави только поднял глаза, констатировал присутствие Вильяма, но тем и ограничился.

Вильям сразу узнал его. В костюме, коротко стриженно-го, серьезного на военный манер, с мальчишескими чертами лица. Он был одним из двоих, ожидавших перед дверью в больничную палату, и именно в его руке находилась блестящая дорогая авторучка, которую потом воткнули сзади в шею Вильяма. Послышался щелчок, словно сработала пружина, и только тогда он понял назначение данного предмета. И это стало последним воспоминанием о произошедшем до того, как он проснулся там, где находился сейчас.

Сделавший ему укол мужчина подмигнул Вильяму, давая понять, что его заметили, а потом повернул подстриженную ежиком голову чуть в сторону и посмотрел вправо от Вильяма. И оказалось, что вся троица в сборе. За углом стенки, от-

делявшей каюту Вильяма от салона, сидел молодой человек, разговаривавший с ним в больнице. Он оторвался от газеты (на немецком языке, как Вильям успел заметить, прежде чем она исчезла в кармане впереди стоящего сиденья) и поднялся. В его мимике и жестах не было ничего угрожающего, но и дружелюбного тоже. А улыбка парня выглядела скорее механической, чем знаком выражения человеческих чувств.

– Проснулся? – спросил он.

Вильям лишь иронично посмотрел на него, как бы подчеркнув, что ответ подразумевается сам собой. Если он сейчас был не в состоянии справиться с ними физически, то вполне мог побороться с помощью сарказма.

Мужчина вышел в проход и встал перед Вильямом, слегка согнув хорошо тренированную шею, поскольку в нем было по крайней мере два метра роста, а Вильям стоял неподвижно и ждал, что сейчас произойдет. Он внутренне приготовился к двум вариантам развития событий. Либо его пригласят присоединиться к остальным, либо прикажут вернуться в каюту и сидеть там, не доставая никого.

Но ничего подобного не случилось.

– В настенном шкафчике в твоей каюте находятся туалетные принадлежности, – сообщил мужчина. – Если захочешь привести себя в порядок.

– Для чего? – спросил Вильям.

Обладатель бычьей шеи проигнорировал его вопрос, словно не услышал его.

– Ванная комната находится в самом конце.

Вот как. Вильям кивнул в знак благодарности. В ситуации по-прежнему отсутствовали какие-то признаки враждебности, но и дружелюбной ее трудно было назвать.

– У меня создается впечатление, что если я спрошу, куда мы держим путь, то тоже не получу ответа, не так ли? – сказал он.

– Я сожалею.

– Вот как. Тебе, пожалуй, надо с кем-то поговорить.

Он произнес это с ироничной улыбкой, но мужчина перед ним не продемонстрировал никаких признаков беспокойства. Или недовольства. Или сожаления, несмотря на свое утверждение. Его взгляд был тяжелым, строгим и печальным.

– В самом конце? – спросил Вильям без толики удивления.

И обладатель бычьей шеи кивнул в ответ.

Кристине понадобилось менее получаса, чтобы добраться с Кунгсхольмена назад на Каптенсгатан, пусть уже перевалило за полдень и движение на дорогах было соответствующим. Она заставила беднягу таксиста дважды проехать на красный, и в одном случае он даже сократил путь через тротуар исключительно по собственной инициативе. А сейчас она стояла перед дверью своей старой квартиры второй раз за день.

И держала мобильник в руке. Он по-прежнему был теплым, поскольку она прижимала его к уху всю дорогу, иногда рычала в него, порой рассуждая так, словно разговаривала с детьми, а сама выступала в роли уже выходящей из себя родительницы.

— Как, черт возьми, можно потерять взрослого человека, — сказала она, увидев взгляд водителя в зеркале заднего вида. — Теряют предметы! Данные! Возможно, детей! Но уж точно не пациента, пытавшегося лишиться себя жизни!

Однако именно это они и сделали.

А сейчас уже обыскали все помещения, переговорили с персоналом, опросили свидетелей. Но никто не имел ни малейшего представления о том, как, почему и даже когда Вильям Сандберг исчез из Каролинской больницы. Они просматривали записи со всех камер наружного наблюдения, установленных в ней, но пока не обнаружили ничего, что могло бы им решить загадку.

Красная как рак, Кристина отключила телефон, и в виде исключения цвет ее лица не имел никакого отношения к излучаемому аккумулятором теплу. Она просто разозлилась. Мир был полон идиотов. Таксист представлялся ей одним из них, но она все равно дала ему приличные чаевые (какой-то бонус он ведь заслужил, рискуя своими водительскими правами), а потом устремилась вверх по лестницам, уверенная, что он попытался сделать это снова. И столь же уверенная в том, что сейчас ему повезло.

Первое, на что она обратила внимание, когда перешагнула порог своей бывшей квартиры, была внешность немолодого полицейского, впустившего ее внутрь. Он имел на лице растительность, которая, казалось, сама не могла решить, является ли она бородой или просто необычно неряшливой щетиной, и среди всех этих волос неожиданно открылся рот в жадной попытке схватить воздух, или произнести какие-то слова, или для обеих целей одновременно. Но пока еще он молчал, глаза сказали все за него.

«Нам очень жаль, но у нас плохие новости», – сообщили они.

– Он мертв? – спросила она и удивилась себе, поскольку это стало сюрпризом для нее самой. Наверное, по-хорошему стоило поинтересоваться: «Как он себя чувствует?» Или, по крайней мере: «Он жив?» Но в глубине души она была уже убеждена в трагическом финале и не видела никакой другой возможности.

Поэтому ее вдвойне удивил ответ полицейского.

– Мы не знаем, – сказал он.

– Не знаете? – удивилась она.

Никакого ответа. Тогда Кристина задала новый вопрос:

– Он здесь?

Сейчас полицейский также не ответил. Стоял, уставившись на носки своих ботинок. У него за спиной она увидела его коллег, ходивших по квартире, и вспышки фотоаппарата из комнаты, которую не могла видеть.

Он колебался. Вертевшийся у него на языке вопрос казался ему неприятным, но он все равно хотел его задать.

– У вас были трения между собой?

– Мы развелись два года назад. По-моему, подобное можно засчитать как трения.

Выглядывавший из бороды рот не знал, надо ему улыбнуться иронически или посочувствовать ситуации, поэтому выбрал лучший для себя вариант и снова схватил глоток воздуха.

– Где он? – спросила Кристина.

Полицейский отошел в сторону. Кивнул в глубину квартиры:

– Мы думаем, он решил уехать.

У нее ушло несколько секунд, прежде чем она осознала смысл его слов. Уехать?

Кристина торопливо проследовала в указанном ей направлении, мимо гостиной и библиотеки, как раз по тому маршруту, где в своей прошлой жизни множество раз по утрам ходила только в халате и в полотенце или даже без них. В счастливом неведении, что ей сегодня придется второпях преодолевать то же расстояние с целью объяснить полицейским в кабинете Вильяма, что человек, который не хочет жить, вряд ли довольствуется простым «отъездом».

Но, войдя в комнату, она резко остановилась.

Встретилась взглядом с двумя стражами порядка (пожалуй, экспертами, хотя она не знала этого наверняка), стояв-

шими около его рабочего стола. И огляделась. Она не была здесь после развода, но, точно как и полицейские, сразу же поняла, что кое-что отсутствует. А точнее, все.

Вдоль длинной стены справа от двери, перед окнами, откуда открывался вид на крыши, печные трубы, маленькие эркеры и меблированные крышные террасы Остермальма, стоял письменный стол. Справа от него находился глубокий шкаф с полкой для системного блока компьютера и его принадлежностей, куда подходили кабели для их присоединения к локальной Сети.

Именно его содержимое и исчезло.

Сейчас он стоял открытый и пустой, точно как и письменный стол, пожелтевшие участки на поверхности которого показывали, где совсем недавно располагались опоры двух плоских мониторов. По обеим сторонам окон на стенах висели полки, где ее бывший муж хранил свои папки и толстые книги по статистике и шифрам, о которых она перестала спрашивать, как только осознала, что ей не понять даже надписи на их корешках. Сейчас все это тоже отсутствовало. Полки сияли пустотой.

Она покачала головой. Очень решительно.

Полицейские смотрели на нее и ждали, когда она объяснит, что имела в виду.

– Ограбление, – сказала она.

Оба эксперта промолчали, но посмотрели друг на друга так, словно знали больше, чем она.

– Он никуда не уехал, – добавила она с нотками отчаяния в голосе, ставшие сюрпризом для нее самой. Неужели они не могли этого понять?

– Ему некуда уезжать, да и незачем, я разговаривал с ним весь вечер вчера! Почему, черт возьми, он должен куда-то отправляться?

Они по-прежнему молчали, с жалостью смотрели на нее, пока не обменялись взглядами с кем-то за ее спиной. Это был полицейский с растительностью на лице. Она даже не услышала, как он подошел, и сейчас он стоял позади нее и беспомощно раскрывал рот, как вытасченная на берег рыба, пока все ждали от него каких-то слов.

– Причину мы не знаем, – наконец выдал из себя, словно сам факт уже считался бесспорным. И закончил кивком, означавшим «пошли».

Кристина покорно последовала за ним в экскурсию по квартире, знакомой и лучше его, и, когда они дошли их спальни, где все, даже запахи, осталось тем же самым, поток самых разных воспоминаний нахлынул на нее. Включая даже те, которые она давно считала утраченными навсегда. О том, как они продали виллу и переехали в город, поскольку именно там им нравилось находиться. Вспомнила времена, когда они наконец смогли жить в свое удовольствие снова.

Если бы они только знали...

Здесь царили чистота и порядок, и мужчина со странной бородой вошел в комнату и, оглянувшись, проверил, следует

ли она за ним. А потом остановился перед их бывшим гардеробом, открыл раздвижные двери и посмотрел на нее, словно это объясняло все.

Да, пожалуй.

Гардероб был пуст.

Все пиджаки и костюмы, обычно имевшиеся у Вильяма, его хорошо отглаженные рубашки – все исчезло. То же самое касалось полок с нижним бельем и обувью. Конечно, все это вроде бы подтверждало их правоту. Он она знала, что они ошибаются.

– Менее суток назад мой бывший муж пытался покончить с собой, – сказала она. – И сейчас вы серьезно думаете, что он собрал свои пожитки и убрался отсюда.

– Если верить жильцам из квартиры напротив, около полудня здесь побывали двое мужчин из транспортной фирмы «Стадсбудет» и выносили какие-то коробки.

– Из транспортной фирмы или в спецодежде с ее логотипом?

– Что ты имеешь в виду?

Кристина оставила его вопрос без ответа. Это была одна из ее особенностей. Поскольку она промолчала, ему пришлось искать ответ самому. А всегда лучше заставлять людей думать, чем подкидывать им готовые решения. Особенно когда у тебя самого они отсутствовали.

Взамен она оставила полицейского стоять в тишине. Развернулась и вышла из спальни.

А потом совершила завершающую прогулку по своему бывшему жилищу. Посетила кухню, столовую, маленькую прихожую, гостиную. Квартира была опрятной, даже чересчур, и по-прежнему носила отпечаток хорошего вкуса, результат из совместных усилий. Он особенно ничего не изменил после ее ухода, и, не зная его настолько хорошо, как она, другая удивилась бы, как ему удалось сохранить их бывшее семейное гнездышко в таком состоянии и не позволить ему деградировать вместе с ним.

Но она отлично знала его. Порядок из хаоса. Шаблон и логика. Только по этому принципу он мог жить, и, даже если все иное рушилось вокруг Вильяма, он по-прежнему неукоснительно следовал ему. Человек продолжает оставаться педантом при любых обстоятельствах.

В конце она снова вернулась в его кабинет. Два эксперта составляли компанию своему коллеге со странной внешностью где-то в другой части квартиры, и сейчас она стояла там в полном одиночестве и видела перед собой все вещи, которых уже не было на своих местах.

Уехал?

Нет.

Она знала его. Знала, что ему некуда уезжать, плюс у него уж точно отсутствовали какие-либо причины покидать единственное место, где он все еще чувствовал себя спокойно.

И компьютеры? Зачем ему понадобилось бы брать их с собой? И вообще, включал ли он их после всего случившегося?

Что-то здесь не сходилось...

Чего-то не хватало.

Кристина долго стояла и пыталась понять, не разыгралось ли у нее воображение, поскольку она не была в квартире в последний год, или же ей на самом деле подсознательно удалось что-то обнаружить, хотя она еще не поняла, о чем, собственно, идет речь. Кристина знала это, еще войдя в кабинет в первый раз: что-то не так. Но не могла определить точно.

Она закрыла глаза и попыталась представить себе всю комнату, как она выглядела тогда. Набитые до отказа, но отличающиеся идеальным порядком полки. Папки, бумаги, ручки, которые он так любил. Он был единственным известным ей мужчиной, готовым часами слоняться с ними среди стеллажей, переходя из одного магазина в другой. Раньше они стояли шеренгами, тщательно рассортированные. И сейчас все это исчезло. Все. Что еще? Что-то должно было находиться здесь, но она не могла вспомнить?

Она подошла к письменному столу. Огляделась. Развернулась. Прошла по комнате с другой стороны.

А потом резко остановилась.

Точно.

Речь не шла о том, что отсутствовало.

А о том, что должно было отсутствовать, но осталось.

Туалетные принадлежности в маленьком гардеробе удивили Вильяма: он подобных вещей вообще не ожидал.

В принципе в них не было ничего сенсационного. Просто они оказались его собственными.

И лежали в черной нейлоновой сумочке, которую он всегда брал с собой в поездки, по крайней мере, раньше, когда еще куда-то ездил, и все находившееся в ней, начиная с бритвенного станка и зубной щетки и кончая кремом после бритья, попало туда из его ванной комнаты.

На тонкой вешалке вдобавок висел один из его собственных пиджаков поверх одной из его собственных рубашек, а ниже его собственные джинсы. На полу стояли ботинки (конечно, не те, какие он выбрал бы сам, но в любом случае его собственные), а рядом лежала пара его свернутых вместе носков и аккуратно сложенное нижнее белье.

Они побывали у него в квартире.

Хотя могли просто швырнуть ему стандартный набор предметов гигиены, принести одежду из универмага, попавшегося по пути. Так нет же, пробрались к нему в жилище и забрали его вещи.

Подобное говорило о многом.

Отчасти о том, что, куда бы его ни везли, ему предстояло пробыть там долго.

И все же они стремились сделать его существование максимально комфортным. Он был важен для них. Независимо от того, зачем им понадобился, они хотели, чтобы он чувствовал себя как дома, даже как бы их гостем.

Вполне приемлемый вариант, подумал он.

Хотя, как ни говори, ему не оставили выбора.

Он посмотрел на тонкую оболочку своего собственного тела, висевшую на вешалке. Потом стянул с себя больничную рубашку, надел свой обычный наряд и босиком отправился в хвостовую часть по коридору.

Ванная, блистающая чистотой, была слишком просторной, чтобы находиться на борту самолета, но одновременно ужасно маленькой для обычной ванной. Потребовались определенные усилия, чтобы выполнить в ней все нормальные процедуры утренней гигиены.

Вильям Сандберг потратил много времени на себя. Побрился, вымылся до пояса, даже наклонил голову в белую раковину, якобы сделанную из мрамора, при всей лживости данного утверждения, и помыл ее два раза с шампунем с единственной целью: почувствовать, как струи холодной воды текут по его голове.

Это было прекрасно. И полученное удовольствие фактически стало сюрпризом для него.

Он позволил себе наслаждаться этим ощущением несколько мгновений. В любом случае, что бы ни ждало его впереди, ему хотелось встретить это с ясными мозгами.

Он стоял так, когда у него заложило оба уха одновременно.

Они пошли на посадку.

Он зажал ноздри большим и указательным пальцами и вы-

ровнял давление. Двигатели заработали в другой тональности, а это могло означать только одно. Опять же секунду спустя он понял, что почти не слышит, и ему пришлось выровнять давление снова.

Он немного подождал с выводами. Речь могла идти об изменении курс, высоты, и в таком случае они должны были выровняться скоро, а уши привыкнуть к новому давлению, и все вернуться на круги своя, то есть к монотонной тишине.

Но самолет продолжал спускаться. Повернул, откорректировал направление. Выровнялся на короткое время и опять пошел вниз. Легкие приступы тошноты сопровождали резкое изменение силы тяготения, и тело становилось как бы чуточку легче. У него пропали всякие сомнения. Они готовились к посадке.

Пока никто не сказал ему выйти из ванной, и его заинтересовало почему. Либо до приземления еще далеко, либо его одетые в костюмы друзья не считали нужным выполнять массу требований безопасности при полетах, которые, собственно, не приносили никакой особой пользы.

Скоро им предстояло ступить на твердую землю. Но где? Солнце подсказывало ему, что они летели на восток, пока он спал. Возможно, на юго-восток, в зависимости от того, сколько времени сейчас было. Хотя подобное обстоятельство ничего не гарантировало. Откуда он мог знать, что они постоянно придерживались одного курса.

Столь же трудно было понять, как долго они летели. Солн-

це стояло относительно высоко, когда он проснулся в больнице, часы, пожалуй, показывали одиннадцать утра или полдень. Потом они усыпили его и доставили в аэропорт. Бромма? Арланда? Практически никакие другие больше ведь не использовались, но где можно погрузить на борт находящегося без сознания человека, не привлекая внимания наземного персонала? Если самолет стоял наготове и ждал, а все бумаги оформили заранее, они могли оказаться в воздухе, самое раннее, только через полчаса.

Его расчет не отличался точностью, но он давал хоть что-то, пусть в самом грубом приближении. Сейчас солнце по-прежнему находилось высоко. Выходило, они не могли лететь больше двух-трех часов. Конечно, меньше, если двигались на восток, навстречу вечеру, и больше, если речь шла о западе, но его прикидки все равно имели слишком широкий разброс, и он решил пренебречь этой разницей.

Взамен сконцентрировался на возможных вариантах. Как ему казалось, их имелось два. Вероятно, они находились над Южной Европой. Или над Россией. Или, возможно, где-то между ними.

Он задумался над вторым вариантом.

Россия.

Такой ответ выглядел очевидным *тогда*. Но сегодня?

Существовала ли в нем какая-то логика?

Но разве была какая-то логика в том, что это случилось с ним именно сейчас, напомнил он себе. Почему с ним? По-

чему сейчас? Какую он мог бы иметь ценность и для кого?

Он отбросил все эти мысли. Застегнул молнию на своем несессере. Ему дадут ответы в свое время.

Последний взгляд в зеркало.

Он выглядел на удивление бодрым для того, кто недавно собирался умереть.

А потом открыл дверь ванной.

Снаружи, к своему удивлению, он обнаружил мужчин в костюмах. За окном мелькали облака, услужливо уступая дорогу самолету, а по стеклу с внешней стороны медленно ползли капли конденсата.

– Подозреваю, мне надо пойти и пристегнуться? – спросил Вильям.

Он улыбнулся, хотя у него и мысли не возникло, что именно поэтому вся компания ожидала его. И, как бы подтверждая опасения Вильяма, обладатель бычьей шеи повернулся боком и пропустил вперед своих коллег.

– Я прошу прощения за это, – сказал он. – Но так будет лучше для всех.

Вильям понял.

И во второй раз он увидел, как подстриженный ежиком парень подошел к нему со специфической авторучкой в руке. Секунду спустя тело обмякло, свет погас перед ним, и Вильям Сандберг погрузился в темноту и безмолвие.

Кристина Сандберг постаралась быть краткой. Она дала полицейским свою визитку и объяснила то, что знала, даже без намека на сомнение в голосе. И прежде чем кто-то из стражей порядка успел возразить или задать вопросы, быстро направилась к выходу, оставив их переваривать полученную информацию.

Вильяма Сандберга увезли силой, и, принимая в расчет прошлое ее бывшего мужа, жизнь его была в опасности.

Это она попыталась вбить им в головы, а потом покинула свою бывшую квартиру на Каптенсгатан, чтобы никогда больше не возвращаться туда.

Жанин Шарлотта Хейнс прижалась к каменной стене и задержала дыхание, удары сердца, казалось, эхом отдавались в тишине, и она испугалась, что они могут выдать ее.

Потом закрыла глаза. Сконцентрировалась на необходимости не шевелиться и не позволить толстому конверту, который засунула себе за пояс, тереться о ее одежду и создавать совсем ненужный сейчас шум.

Голоса двух мужчин не долетали до нее больше. Но они точно находились где-то на расстоянии метра.

Пожалуй, их было трое, но этого Жанин не знала наверняка. Услышав их разговор на винтовой лестнице, она резко остановилась, огляделась в поисках укрытия и бросилась в узкий проход, не имея ни малейшего понятия, куда он ведет. Освещение там отсутствовало, и она прижалась к стене и одновременно услышала, что они поднялись именно на ее этаж, остановились точно рядом с ней, но с другой стороны небольшой арки.

Сейчас они стояли там неподвижно, стараясь не нарушать тишину, точно как она сама. И ей оставалось только надеяться, что они не услышали ее. В противном случае она не смогла бы объяснить свое присутствие здесь. Особенно среди ночи.

Она бежала.

И поплатилась за это сейчас.

Бежала быстро, как только могла, босая, чтобы ее шаги не отдавались эхом в каменных коридорах, рискуя жизнью, но понимая, что это, возможно, ее единственный шанс. Сейчас телу резко потребовался кислород, в то время как она отчаянно старалась затаить дыхание.

Они не могли слышать ее.

Она стояла абсолютно неподвижно.

Прислушивалась к ударам собственного сердца.

Потом, внезапно, один из них заговорил.

Голос раздавался совсем близко, и казалось, он обращается прямо к ней. Она уже собиралась сделать вдох, но в последний момент спохватилась и прижалась к стене. Взяла себя в руки и заставила слушать, о чем они говорят, а также попыталась понять смысл.

Отдельные слова казались знакомыми. Безопасность?

Черт. Ее французский никуда не годился. Она два семестра проучилась в университете, но откровенно была баклуши. И преподавательница сказала, что в один прекрасный день она пожалеет, и сейчас, стоя в каменном коридоре, Жанин пришлось признать ее правоту.

Ага. Опять. *Securité*. Интересно, они говорят о ней?

Она закрыла глаза, попыталась оценить ситуацию. Худшее, что могло случиться, так это если кто-то обнаружил пропажу маленькой пластиковой шайбы, находившейся у нее в кармане. Это была единственная для нее лазейка, един-

ственный путь наружу. Она сильнее зажала ее в руке, словно это могло что-то изменить.

Они не нашли ее.

Никто не знал, где она находится. Реши они убить ее, ничто не помешало бы им, никто ничего не узнал бы. Возможно, они уже давно перестали ее искать.

Она отмахнулась от этой мысли.

Он никогда не прекратит.

А вдруг...

Она попыталась убедить себя в собственной правоте. Это было просто потрясающее полугодие, и она больше не знала, на чьей стороне работает и почему. Правильно ли это с моральной точки зрения, абсолютно неправильно или истина где-то посередине.

Жанин знала только, что ей требовалось все рассказать.

И что это ее единственный шанс.

И что бы ни случилось, они не должны были услышать ее сейчас.

Мужчины стояли и разговаривали целую вечность, продолжавшуюся ровно четыре минуты, а потом один из них, шикнув, перебил другого.

Возникшая тишина резанула ей по ушам, и страх закрался в каждую клеточку тела. Неужели они услышали ее? Неужели она расслабилась и задышала слишком громко? Знали ли они, что она стоит там?

Жанин опять задержала дыхание. Начала считать.

Один. Два. Три.

Ей уже не хватало кислорода, но она не сдавалась.

Четыре, пять.

А потом она услышала этот звук.

Приближался вертолет.

Шум его винтов пока не отличался особой силой, но дал ей возможность наполнить легкие воздухом, и одновременно с тем, как она сделала это, один из мужчин заговорил снова. Тихо, прямо в пустоту. Коротко, как бы что-то подтверждая. Кто-то вызвал его по рации, и первую скрипку в их диалоге играл именно он.

Okay. D'accord. Bien.

А потом ад закончился для нее. Мужчины снялись с места и удалились по коридору, и скоро даже эхо их шагов растворилось в тишине.

Они ушли. И даже не приблизились к арке, где стояла она. – О'кей, – сказала она себе. – Сейчас.

Потом оттолкнулась от стены за спиной, пулей выскочила в коридор и заставила свои босые ноги нести ее как можно быстрее. Каждый шаг отдавался болью в ступнях, как только она ставила их на неровный каменный пол, но сейчас она находилась в пути снова, и для успеха дела ей требовалось поторопиться. Поэтому она старалась не обращать внимания на физические неудобства и бежала дальше в том же направлении, что и раньше, до того как услышала мужчин на лестнице. Миновала лестничную площадку. Потом вос-

пользовалась коридором, идущим направо. Новая лестничная площадка. Новый коридор и другая лестница. Тяжелые деревянные двери отделяли их друг от друга, но каждый раз, когда они преграждали ей путь, она доставала из кармана маленькую пластиковую шайбу, прижимала ее к коробочке рядом с дверной ручкой, и замок послушно открывался с тихим щелчком, пропуская ее дальше. И каждый раз она прислушивалась к тишине и убеждалась, что одна, прежде чем устремлялась вперед.

Вниз, вниз, два этажа. Здесь уже было сыро. Вероятно, она находилась под землей. Никаких окон, даже слуховых, ничего указывавшего на то, что снаружи вообще есть какой-то другой мир. Ощущение пребывания в тюрьме только усилилось.

Она всего лишь в третий раз оказалась в подвале, но знала дорогу почти наизусть. И гордилась своей зрительной памятью. Стоило ей увидеть что-то, и это навечно оставалось у нее в голове. И она предугадывала каждый угол, каждую дверь и каждую лестницу задолго до того, как они появлялись перед ней. Она двигалась вперед по коридорам под аккомпанемент тихих звуков контакта мягкого и твердого с каждым шагом, который делала. Не сбавляя темпа, пока не оказалась на месте.

Раздвинув тяжелые занавески, Вильям сразу понял, что ошибся в своих предположениях.

Комната, где он очнулся, была выдержана в классическом стиле и явно построена на века много лет назад. Пол состоял из больших каменных плит, истертых ногами множества поколений, гулявших по нему за все столетия, прошедшие с тех пор, как их уложили. Некоторые из них уже успели потрескаться от длительной эксплуатации и перепада температуры. Точно так же, как и каменные стены с красивыми обоями, слегка пожелтевшими от времени и сырости, но вызывающими восхищение богатством деталей. От пола их отделяли декоративные панели метровой высоты, а от потолка широкие бордюры, окрашенные той же темно-серой краской, как и все другие деревянные детали вокруг.

Если бы не события последних суток, он мог бы подумать, что на выходные снял апартаменты в каком-то памятнике старины.

Он просунулся в массивной деревянной кровати с ковриком на стене у ее изголовья и искусно выполненным балдахин из тончайшей ткани. Рядом с ним на специальной откидной и наверняка старинной подставке стоял поднос с его завтраком, состоявшим из безупречного набора сыров, мармеладов и хлеба в окружении фруктов, названий которых он

даже не знал, но все равно явно существовавших, несмотря на его невежество. И все это резко отличалось от содержания лекций и тренировок, в свое время готовивших Вильяма к тому, что в один прекрасный день его выкрадет какая-то иностранная держава и ему придется выживать в заключении. Ни одна из них уж точно не касалась опасности вкушать изысканные яства в старинном замке.

Они выглядели очень аппетитно, однако, поднявшись с кровати, Вильям миновал их, даже не прикоснувшись, пусть желудок и сигнализировал, что самое время утолить голод. Взамен он направился прямой дорогой к плотным шторам, сквозь щели по краю которых в комнату пробивалось утреннее солнце.

Он раздвинул их и замер. А потом какое-то время молча стоял и смотрел наружу. Отчасти от удивления. Он был уверен, что находится в России, и поэтому ему потребовалось время для осмысления увиденного. Но также по той причине, что пейзаж по другую сторону высокого, разделенного перемычками на множество квадратов окна оказался слишком невероятным, чтобы вызвать более спокойную реакцию.

Прямо под его комнатой (несколькими этажами ниже, если быть точным) крутой поросший травой склон спускался к обрыву, отвесные стены которого уходили в голубое горное озеро. А вокруг него луга и нагромождения гор создавали особый мир тишины и спокойствия и занимали все пространство насколько хватало глаз.

Они больше летели на юг, чем на восток. Так все обстояло. Горы были Альпами, и он находился где-то между Францией на западе и Австрией или Словенией на востоке, и в любом случае не мог понять почему.

– Господин Сандберг.

Ровный и спокойный голос, эхом отразившийся от толстых стен, заставил его повернуться на месте. На расстоянии нескольких шагов от двери в комнате стоял мужчина, только что назвавший его имя, и это прозвучало скорее как констатация факта, чем как вопрос. Вильям даже не слышал, как он вошел.

– Я прошу прощения, что тебе пришлось спать в рубашке. Но вызвало бы слишком много вопросов, если бы через таможеню вели человека в пижаме.

Мужчина выглядел дружелюбным, говорил на идеальном британском английском, и, даже если Вильям не был особенно уверен на сей счет, ему показалось, что гласные незнакомца носили отпечаток диалекта рабочего класса.

Вильям кивнул дружелюбно:

– И о какой таможене мы говорим?

Мужчина улыбнулся в ответ. Дружелюбно, искренне, но проигнорировал вопрос. Вместо этого он сказал:

– Остатки твоего гардероба находятся там.

– В этом есть какой-то великий смысл? Мне лучше не докучать своим любопытством, пока вы не решите, что я выспался?

Сейчас мужчина улыбнулся снова. Без намека на угрозу и не с целью демонстрации силы, а скорее как бы извиняясь.

– Мы на месте сейчас, – сообщил он.

– Я не хотел бы показаться назойливым, – произнес Вильям и приподнял брови, давая понять, что его вопрос уже прозвучал раньше, но остался без ответа.

Мужчина кивнул в знак подтверждения. Он услышал, но не собирался уступать.

– Я предлагаю тебе перекусить немного. Ты проспал восемнадцать часом и, если я правильно понял, какое-то время не ел до этого тоже.

– Я, пожалуй, возьму бутерброд, – заявил Вильям, оставаясь на месте, но всем своим видом показывая, что не задерживает посетителя.

– Замечательно, – сказал мужчина в ответ как на его слова, так и на невысказанное пожелание. – Я зайду за тобой через полчаса. Тогда ты узнаешь больше.

Потом он развернулся, направился к двери и открыл ее с помощью ручки.

Не заперта, подумал Вильям. Никаких особых мер безопасности здесь тоже, точно как в самолете. Кто-то из всех сил старался показать ему, что он желанный гость, и его постоянно мучил вопрос почему. Кто они. И чем, по их мнению, он мог им пригодиться.

– Извини, – проговорил Вильям.

Мужчина обернулся:

– В чем дело?

– Как уже было сказано, Вильям Сандберг.

Он протянул вперед открытую ладонь и явно ждал, что с ним поздороваются по-настоящему и представятся. Мужчины посмотрел на него. А потом пожал Вильяму руку, и хотя, судя по его глазам, не имел ни малейшего желания называть себя, в конце концов сдался.

– Да, – сказал он. – Извини меня. – А потом добавил: – Коннорс. Генерал Коннорс.

У генерала Коннорса имелось также имя, но в его жизни существовало довольно много проблем, неприятных для него, и оно было одной из них.

Он вырос в маленьком городке на британском западном побережье, в рабочей среде, где безработица и преступность не считались чем-то из ряда вон выходящими, а скорее были естественной частью повседневной жизни. В результате моральность или аморальность тех или иных поступков оценивалась довольно своеобразным образом, и, пока еда стояла на столе, а квартплата вносилась регулярно, имевшее деньги незначительное меньшинство само решало, как с этим обстояло дело.

Детство Коннорса было хуже не придумаешь. И достаточно рано он понял две истины: во-первых, что важнейшей человеческой чертой является способность везде чувствовать себя как рыба в воде, а во-вторых, что она у него полностью

отсутствует.

Коннорс постоянно отставал на шаг. Он ненавидел, когда на вид незыблемые структуры изменялись вокруг него. Когда кто-то по соседству, еще неделю назад считавшийся королем, вдруг становился изгоем и когда друзья и союзники могли повернуться против кого-то и перейти на сторону противника быстрее, чем ты успеваешь сообразить, что таковая существует. Еще задолго до того, как пойти в школу, он стал отдаляться от остальных, старался избегать друзей, не вступал в банды и группировки. В течение долгого времени его травили и обвиняли в гомосексуальных наклонностях, что, естественно, считалось гораздо худшим преступлением, чем мелкие и даже крупные кражи, совершаемые его ровесниками.

А в довершение всего Коннорс любил школу. Он понимал математику, даже когда она становилась абстрактной и странной, и в отдельных случаях (немногочисленных, как ему самому казалось) даже превосходил знаниями собственных учителей. Он любил правила и логические схемы, и, когда товарищи избивали его в школьном дворе без явной причины, эта любовь только усиливалась.

В шестнадцать лет впервые соприкоснувшись с армией, он решил, что она могла бы подарить ему именно тот порядок, которого он так страстно желал. Здесь у каждого не только имелось свое четко определенное звание, но оно также было обозначено у всех на одежде, причем во всех

возможных местах, не вызывая ничьей иронии. Все изменения выглядели предсказуемыми и шли почти исключительно по возрастающей. А ситуация, когда, проснувшись в одно прекрасное утро, ты мог узнать из слухов, что некий майор стал новым командиром полка, а его друзья всю ночь избивали его предшественника за какие-то старые грехи, просто не укладывалась в голове.

Коннорс нашел свой дом.

И впервые в жизни, просыпаясь по утрам, чувствовал себя хорошо.

Армия оказалась идеальным местом для него и позволила полностью раскрыться всем его талантам. Он стал мастером по части применения и извлечения пользы из всех существующих правил и схем и скоро сделал их своими собственными, развил, усовершенствовал, создал новые. К пятидесяти годам Коннорс был не каким-то безымянным выходцем из рабочей семьи, а одним из самых значимых стратегов британской армии. Мало кто лучше его мог придумать различные сценарии хаоса и беспорядка, а потом создать правила, как с ними бороться. Он надзирал за учениями, сочинял инструкции, и все, начиная от властных структур, военных и промышленных организаций и заканчивая еще черт знает кем, хотели иметь его под рукой, если грянет гром.

Коннорс просто-напросто научился восстанавливать порядок в случае возникновения хаоса. Ему звонили, когда все могло полететь к черту.

И сейчас он сидел со сценарием, который никто никогда не смог бы придумать заранее.

Впервые за долгое время как бы стал ребенком снова.

И в глубине души боялся за свою жизнь.

Коннорс прижал синюю пластиковую шайбу к маленькой коробочке на стене и дождался, пока дверь с шипящим звуком отошла в сторону.

По широкому коридору из железа и бетона он добрался до вестибюля с низким потолком и довольно примитивными синими креслами и подошел к двойной двери с торцевой стены. Снова использовал свой электронный ключ. И она тоже открылись с шипящим звуком.

Комната за ней имела круглую форму. Посередине нее стоял большой стол для совещаний столь же идеальной круглой формы, а также пустые стулья и бутылки с водой в ожидании встреч, уже давно ставших редким явлением и столь же давно не требовавших такого большого пространства.

На единственной прямой стене комнаты бок о бок висели гигантские мониторы со светодиодной подсветкой. Как обычно, они представлялись слишком яркими для глаз человека, только вошедшего внутрь, и Коннорс прищурился при виде пробегающих по ним непрерывным потоком цифр.

Перед экранами стоял мужчина в темной военной униформе. Он не повернулся, когда Коннорс вошел, и, даже когда тот направился к нему по синтетическому ковровому по-

крытию, просто стоял и смотрел на меняющиеся картинки. Пока Коннорс не остановился прямо перед ним.

– Мы знаем, как он попал в Берлин, – сказал этот человек наконец.

Ах, черт. Когда Франкен посмотрел вверх и встретился взглядом с Коннорсом, по его глазам можно было понять, что он не спал несколько дней.

– Он угнал грузовик на бензозаправке. Мы нашли его с пустым баком около Инсбрука, машину забрали и уничтожили. Затем, по словам свидетеля, его подвезли на красной «Тойоте Рав-4».

– И где она теперь?

Его молчание говорило само за себя. Они не знали.

– Все начинается сейчас? – спросил Коннорс. – Не так ли?

Франкен не ответил. Однако, когда он заговорил снова, от его неуверенности не осталось и следа, свое беспокойство он пытался спрятать за целеустремленностью. Был только один путь, и это путь вперед.

– Он здесь?

– Да, в своей комнате.

– Как его самочувствие?

– Он выживет.

Хорошо. Если сейчас вообще существовало какое-то спасение, он единственный мог добыть его для них. И они находились слишком близко, чтобы опоздать. Снова.

– Что мы скажем ему? – спросил Коннорс наконец.

Пауза. А потом:

– Точно то же самое, что сказали ей.

Коннорс кивнул.

И на этом встреча закончилась.

Генерал Коннорс вернулся в комнату Вильяма через сорок минут. Он дал ему достаточно времени поесть, привести себя в порядок и надеть твидовый пиджак и брюки. Никакого галстука. Он сделал это с умыслом. Не имея никакого понятия о том, что ждет его впереди, хотел выглядеть достаточно серьезным и знающим себе цену. Но уж точно не человеком, пытающимся произвести впечатление. Он уже находился в крайне невыгодной позиции, и ее нисколько не усилило бы, вырядись он, как школьник. Опять же, откуда ему было знать, вдруг для начала они собирались усыпить его снова.

Диалог начался, как только они вышли из комнаты Вильяма.

– Я знаю, у тебя есть вопросы, – сказал Коннорс. – Задавай их, а я попытаюсь ответить, насколько смогу.

Его предложение не стало большим сюрпризом для Вильяма. Никому ведь не надо было, чтобы он смог сконцентрироваться на том, как они шли, ему явно пытались помешать запомнить, какой коридор вел к какой лестнице и почему. И разговор представлял собой идеальный отвлекающий маневр. Коннорс по-прежнему сказал бы только то, что его устраивало, но одновременно использовал бы массу слов, и Вильям знал это, а Коннорс прекрасно понимал, что Вильям в курсе его уловки.

– Ты можешь для начала рассказать, где я нахожусь? – спросил Вильям.

– Скажем так, в Лихтенштейне, – ответил Коннорс.

– Скажем так?

– Я не могу дать тебе точный адрес. Но ты же все равно не будешь сразу заказывать сюда пиццу.

Он едва заметно улыбнулся. Но скорее в качестве извинения, как бы предлагая Вильяму спрашивать больше. И Вильям принял игру. Улыбнулся в ответ. Но одновременно постарался призвать на помощь все свое внимание и запомнить запутанный путь, которым Коннорс вел его.

– Ты можешь рассказать, кто забрал меня сюда?

– Ты узнаешь это.

– А почему?

– Ты узнаешь это тоже.

– Ты можешь сказать, есть ли вообще какой-нибудь вопрос, на который ты в состоянии ответить?

Коннорс улыбнулся снова. Вся абсурдность разговора была столь же очевидна для него, как и для Вильяма, и он чувствовал себя немного не в своей тарелке из-за необходимости заниматься подобной ерундой.

Вильям кивнул в знак того, что все понимает. И тогда игра в вопросы и ответы закончилась, и они продолжили путь молча.

Не вызывало никакого сомнения, что строение, где они находились, было очень большое. Они проходили коридор

за коридором, спускались по узким лестницам, а потом продолжали путь по новым коридорам. И создавалось ощущение, что они идут по каким-то служебным и второстепенным проходам и помещениям, словно настоящий замок находится где-то внутри, и что Коннорс сознательно предпочел вести его именно так.

Где бы они ни проходили, везде пол состоял из огромных каменных плит, отшлифованных множеством ног, топтавших его на протяжении многовековой истории здания. Стены были темными, местами с обоями и гобеленами, потускневшими от света и потемневшими от сырости настолько, что из всех цветов в них остался почти исключительно серый. И это выглядело интересно и красиво и неприятно и пугающе одновременно.

– Да, – подал голос Вильям. – У меня есть еще один вопрос.

Коннорс обернулся к нему. Они находились на полпути вниз, на очередной лестничной площадке, и сначала Коннорсу, а потом и Вильяму пришлось нагнуться, чтобы не задеть головой потолок.

– Как по-твоему, мне есть чего бояться?

Вопрос удивил Коннорса. Он встретился глазами с Вильямом, как бы проверяя, спросил тот искренне или это просто игра, и какое-то мгновение стоял в темноте, точно раздумывая, что сказать. Но передумал. И пошел вперед снова. А вопрос так и повис в воздухе, в то время как они преодолели

последние ступеньки до следующего этажа.

Комната, куда они в конце концов пришли, представляла собой небольшой холл, где недостаток площади как бы компенсировался очень высоким потолком. Из маленьких окон на самой верхотуре внутрь проникал солнечный свет, и Вильяму пришлось зажмуриться, прежде чем его глаза привыкли к изменению освещенности. С другой стороны к холлу примыкала широкая лестница, значительно более представительная, чем те, по которым ранее пролегал их путь, а на внутренней стене находилась высокая, массивная, двойная дверь из темного дерева.

Коннорс подошел к ней и остановился.

Потом он посмотрел на Вильяма и долго не сводил с него взгляд, словно решая, как ответить на ранее прозвучавший вопрос.

– Тебе нет, – сообщил он наконец. – Нам тоже.

– А кому?

В какое-то мгновение Вильяму пришло в голову, что Коннорс, если судить по его виду, даже испытывает жалость к нему. Или, по крайней мере, сожалеет о возникшей ситуации. Как будто он вовсе не хотел делать этого и что-то вынуждало его похищать людей из больницы и в бессознательном состоянии доставлять самолетом в другой конец Европы.

Однако Коннорс отвел глаза в сторону и проигнорировал

вопрос.

– То, что ты узнаешь сегодня, неслыханно секретно, – сказал он важным и официальным тоном. – Какую-то информацию мы совсем не сможем открыть тебе. О чем-то сможем рассказать только частично.

– Я нахожусь, скажем так, в Лихтенштейне. Вы забрали у меня телефон. Ты боишься, что я позвоню кому-нибудь?

– Кое-что из известного нам не должно выплыть наружу. Ни при каких обстоятельствах. Никогда.

– Означает ли это, что вы не позволите мне вернуться домой?

Коннорс колебался. И когда он ответил, его голос снова звучал искренне:

– Я от всего сердца надеюсь, что наступит тот день, когда *кому-то* из нас разрешат отправиться домой.

Стоявший напротив Кристины молодой практикант был какой-то несуразный и толком не мог связать двух слов, но сейчас она могла использовать только его. Ей оставалось надеяться, что он справится со своим заданием.

В какой-то момент он старался не смотреть на нее, словно испытывал любовь к ней, несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте между ними, в следующий пытался поддержать разговор, вставляя тут и там различные члены предложения в случайном порядке. И то и другое раздражало ее, и она не знала, что больше.

Но, собрав свое терпение в кулак, Кристина заставила себя на всякий случай повторить все снова. От него требовалось связаться с больницей, с соседями по лестничной площадке Вильяма и с транспортной фирмой «Стадсбудет» и убедиться в том, что она уже знала. А именно, что они никого не посылали по адресу ее бывшего мужа и что его так называемый добровольный отъезд кем-то подстроен.

Лео Бьёрк слушал и записывал по второму кругу. И ни разу не упомянул то, что они оба прекрасно понимали: его задание не имело никакого отношения к их редакционной деятельности. Фактически ведь речь шла о личном беспокойстве, поскольку близкий ей человек исчез. Но пожалуй, они также, даже не высказав этого вслух, нашли для себя уважительную причину, почему надо заниматься данным делом. Вероятно, исчезновение Вильяма Сандберга являлось вершиной какого-то загадочного айсберга, политического скандала или события в тени новой, невидимой, холодной войны. И пожалуй, все впоследствии могло найти отражение в газетных публикациях, а значит, их действия были вполне обоснованны. Бывший военный эксперт по шифрам и кодам пропал вместе со всей своей аппаратурой и материалами. Это выглядело достойной темой для серии статей о чем-то иностранном и угрожающем, чего еще никто не знал.

Хотя для Лео и не требовалось придумывать какое-то логическое объяснение.

У него и мысли не возникло сомневаться по поводу такого

поручения, практически оно воспринималось им как некий шаг вперед, и он хотел сейчас как можно быстрее приступить к его выполнению и доказать, насколько он эффективен и талантлив. Его ждала активная и серьезная работа с возможностью искать людей и брать у них интервью по своему усмотрению, находить собственные пути и способы узнать больше. Кроме того, ему представлялся шанс трудиться бок о бок с Кристиной Сандберг, и у него уже появились мечты о чем-то более романтическом, чем чисто профессиональные отношения.

В конце концов она замолчала, посчитав, что больше не стоит повторяться, а Лео Бьёрк закрыл свой блокнот и поднялся.

Кристина долго смотрела ему вслед сквозь стеклянную перегородку своего офиса. У нее не было времени сомневаться в нем.

Она взяла свой мобильник и нашла в нем имя, о котором по крайней мере год назад уже и думать забыла.

Тяжелая дверь открылась внутрь, за ней оказался огромный зал, и Вильям от неожиданности остановился на пороге.

По его периметру с равными промежутками стояли каменные колонны, которые в самом верху, на высоте шести метров, сходились, образуя куполообразный потолок. В одной из стен в ряд выстроились высокие окна. Украшенные витражами, они неравномерно пропускали внутрь лучи низ-

ко сидящего на небосводе осеннего солнца, в результате чего помещение казалось темным и освещенным одновременно. А гигантский камин, украсивший другую стену, по размерам не уступал небольшой комнате в собственной квартире Вильяма. В центре зала висела огромная люстра, а под ней стоял массивный длинный стол из темного дерева, глубокие борозды и углубления на котором явно свидетельствовали о том, что владельцы замка пировали за ним со своими друзьями еще сотни лет назад.

Общую картину удачно дополнил бы жареный кабан на гигантском оловянном блюде посередине него в окружении сосудов с вином. Но сейчас там лежал удлинитель. От него тянулся серый кабель к ноутбуку, стоявшему в конце стола наверняка на расстоянии десяти метров от двери, в которую только что вошли Вильям и Коннорс. А за ним сидел мужчина в темной военной униформе.

– Франкен, – окликнул его Коннорс.

Тот кивнул в ответ, поднялся и направился им навстречу. Он оказался немного старше Коннорса, с испещренным морщинами лицом, и двигался медленно, словно каждый шаг причинял ему страдания. Он остановился на расстоянии нескольких шагов от них, а потом последовала процедура представления, обошедшаяся без рукопожатий, и генерал Морис Франкен (так его звали) позддравил Вильяма с прибытием, немного озадачив того, поскольку Вильям не знал, стоит ли ему поблагодарить или сказать какую-то гадость, но

в конце концов предпочел промолчать.

– Я мог бы потратить массу времени, извиняясь перед тобой за то, что мы доставили тебя сюда таким образом. Но я не буду этого делать.

Вильям только кивнул в ответ и подождал, пока Франкен подошел поближе к ним и жестом предложил Вильяму сесть.

– Я не знаю, что Коннорс уже рассказал тебе.

– Я, пожалуй, могу утверждать, что он приложил немало усилий, стараясь совсем ничего не сказать.

Франкен кивнул. Grimаса, появившаяся у него на лице, напоминала улыбку. Хотя, возможно, всему виной были морщины.

– Ты получишь короткую версию, – сказал он.

– Меня сейчас отлично устроит любая.

– Мы притащили тебя сюда, поскольку нам нужны твои знания.

– Это я уже понял.

– Нам известно о твоих достижениях в определенной области. И сейчас мы стоим перед проблемой, с которой нам не справиться.

– И кто вы такие тогда?

– Ты можешь называть нас «организацией по сотрудничеству».

– Между кем и кем?

– Все зависит от ситуации. Главным образом между двумя десятками (а порой и большим количеством) разных стран

от Европы до США, Южной Америки до Японии. Мы действуем в интересах всех наций, но без содействия с их стороны. Нас финансируют из особых фондов, однако только немногие знают, куда идут эти деньги.

Вильям одарил его коротким взглядом. Это могло быть правдой. И пожалуй, объясняло его присутствие сейчас в таком месте, возможность доставить самолетом из Швеции так, что никто не среагировал.

При этом Франкен же ни черта не рассказал.

– И как называется ваша организация?

Франкен покачал головой:

– Мы не существуем. Поэтому нам не нужно никакое название.

– Под эгидой ООН?

– Кое-кто в ООН знает о нас. Отдельные личности, двое или трое. Но поскольку мы не существуем, то и не подчиняемся никому. Мы анонимный орган, работающий ради безопасности всех наций.

Вильям смотрел между генералами какое-то время, пытаясь оценить вероятность того, что их слова соответствуют истине. Ему требовалось разобраться. С одной стороны, сказанное ими выглядело вероятным, но одновременно вся ситуация выглядела слишком абсурдной и странной, чтобы просто поверить им. Место. Как он прибыл сюда. Буквально все.

Он закрыл глаза. Постарался сосредоточиться.

Ради чего такого угрожающего и важного и одновременно секретного создают целую организацию и прячут ее ото всех на свете?

– Безопасности в отношении чего? – спросил он наконец.

Это был явно хороший вопрос, поскольку Франкен кивнул Коннорсу. Твоя очередь.

Коннорс сделал пару шагов по комнате.

– Мы... – начал он, но резко остановился почти сразу же. Ему понадобилось сделать паузу, чтобы подобрать правильное слово, которое означало бы достаточно много и достаточно мало одновременно. И он нашел его. – Мы перехватили последовательность цифр.

Его утверждение сразу же породило тысячу вопросов. Вильям выбрал один из них:

– Перехватили каким образом?

– Это не столь важно. Важно, что в ней заключена информация. Хорошо спрятанная, закодированная с помощью неслыханно сложного ключа или, точнее, ключей. В большом количестве. И они, кроме того, пересекаются вкривь и вкось, делая задачу практически нерешаемой.

Вильям кивнул. Почувствовал, как у него в душе вопреки его воле проснулся интерес. Это была его вотчина, подобными вещами он когда-то занимался и задачки как раз такого рода обожал. Выявить сложную закономерность, всегда скрытую при помощи самых разных ухищрений, сколь бы трудным код ни выглядел. Пробовать разные варианты, пы-

таться заходить со всех возможных сторон и смотреть, будет ли результат. Здесь, прежде всего, побеждала математика в комбинации с интуицией, и для него было чуть ли не высшим наслаждением, найдя систему, наблюдать, как то, что еще секунду назад выглядело простым набором символов и знаков, внезапно приобретало свое лицо и содержание, как некий кроссворд, где магическая буква вставала на свое место и решала все.

Маленькая толика Вильяма Сандберга сейчас радовалась, как ребенок в канун Рождества. Тогда как в остальном он чувствовал себя пятидесятилетним мужчиной, которого увезли из больницы против его воли.

– Каков источник? – спросил он, прекрасно понимая, что это вариант уже заданного им вопроса. Но он был крайне важен. Разные шифры имеют разные формы. Если бы он решил помочь им, именно это ему рано или поздно потребовалось узнать в любом случае.

– Мы не можем этого сказать, – ответил Коннорс.

– Речь идет о письменном тексте, радиосигналах или данных из какого-то файла?

– Мы не можем сказать этого тоже.

– А вы вообще что-нибудь можете сказать? – Он повысил голос, понял это, спохватился – не он ведь здесь решает – и попытался компенсировать свою оплошность ироничной улыбкой. – Извини. Мне просто пришло в голову, что гораздо легче помочь, если знаешь, в чем нужна помощь.

По-прежнему не слишком удачно. Но сарказм он ведь мог себе позволить, пока держал ситуацию под контролем и не давал им сломать себя. Он расслабился на секунду, но сейчас снова взял себя в руки и снисходительно посмотрел на обоих мужчин. Как бы говоря: мы слишком старые, чтобы играть в игры.

Коннорс бросил взгляд на Франкена, и тот кивнул.

Он вернулся на свое место с другого конца стола, подтащил к себе компьютер, нажал указательным пальцем на клавишу.

– Это, – сказал Франкен.

А потом неожиданно стало ужасно светло, словно кто-то зажег персональное солнце прямо над ними, и, подняв голову, Вильям обнаружил четыре видеопроектора, закрепленные на потолке над огромной люстрой над их головами. Сейчас они включились, повинаясь движению Франкена, и направили яркий свет на выцветшие обои всего в нескольких метрах под потолком, как раз туда, куда не проникало солнце и где до сих пор царила крошечная тьма. И теперь там появилась полоса из спроецированной информации, где данные непрерывным потоком перемещались от одной стены к другой.

Цифры.

Бесконечное множество цифр.

Они выстраивались в ряды и поднимались вверх, а их место занимали другие, появлявшиеся снизу, и, когда какой-то

из рядов достигал верха стены, он смещался на одну колонку в сторону, в изображение следующего проектора, продолжал движение вверх и в сторону, пока не исчезал вообще. Параллельно с этим происходило нечто другое. Цифры меняли цвет, оказывались заключенными в рамку вместе с другими цифрами, приобретали ту или иную маркировку и перемещались на свое собственное поле в стороне отдвигающихся вперед цифр вместе с другими, которые выбирались таким же образом. Красные цифры выстраивались в шеренги сами собой, медленно пополняясь, в то время как черные проносились мимо с сумасшедшей скоростью.

Вильям прекрасно представлял, что видит перед собой. Где-то в здании находились другие компьютеры, значительно более мощные, дорогие и эффективные, чем серебристый ноутбук Франкена, а его экран лишь демонстрировал, как они занимаются цифровой последовательностью, о которой рассказывал Франкен, ищут закономерности, и логику, и ключи и пытаются расшифровать послание, спрятанное кем-то среди леса из ничего не говорящих цифр.

Судя по количеству данных, ужасно большого леса.

– Насколько велик код, о котором мы говорим? – спросил Вильям.

– Это часть его.

– И откуда он пришел?

– Ты уже спрашивал об этом.

– Мне по-прежнему ужасно любопытно.

– Я сожалею.

Вильям вздохнул. Они пошли по абсурдному кругу снова. И это ему совершенно не нравилось.

– Если я помогу вам перевести то, что зашифровано там? Смогу ли я прочесть написанное мной, или мне придется застрелиться, если я что-то увижу?

Судя по брошенным на него взглядам, его юмор не оценили.

«Не гони лошадей, – казалось, говорили он. – Не гони лошадей, сначала сделай дело, а потом вернемся к твоему вопросу».

– И кто находится под угрозой? – спросил он.

– Мы не можем этого сказать.

– А вы можете сказать, от кого исходит угроза?

– Этого тебе знать не надо.

– А что, черт побери, я должен знать?

Сейчас в его голосе снова появились резкие нотки.

– Вы притащили меня сюда против воли. И требуете, чтобы я принял участие в работе, не рассказывая, в чем ее суть. Назовите мне хоть одну причину, почему я должен вам помогать. Одну. Пожалуйста.

– Просто у тебя нет выбора.

Вильям не хотел повышать голос. И ему это почти удалось. Сейчас он дышал носом, сжал зубы, стараясь держать себя в руках. А потом начал снова, спокойно, но со скрытой злобой за каждым словом.

– Большая разница, – сказал он. – Работа и работа.

Они не ответили.

– Вы можете заставить людей пахать на вас. Естественно, это в ваших силах. Кнутом принудить кого-то тащить воз, или крошить камень, или переместить все ваше чертово здание на пару метров влево. Если бить достаточно сильно, можно заставить кого угодно делать все что угодно. За исключением одного. Думать. Очень трудно добиться от меня каких-то успехов, если я не захочу. – Он понизил голос и подвел итог: – Поэтому у меня, конечно, есть выбор. Он есть всегда.

– Расскажи о своей попытке самоубийства, – предложила Франкен.

Просьба застала Вильяма врасплох. И была крайне неожиданной. И ужасно дерзкой.

– Тебе в общих чертах? – спросил он наконец.

– Расскажи почему, – попросил Франкен. Больше он ничего не сказал.

– Если я захочу пойти к психотерапевту, то заплачу за это, так что спасибо за предложение.

– Ты можешь выставить мне счет, если хочешь.

Разговор зашел в тупик. Вильям отвел взгляд и поднял руки, давая понять, что больше ничего не хочет добавить, повернулся к Коннорсу и призывно посмотрел ему в глаза.

– Ты не смог бы жить с тем, что тебе не удалось кого-то спасти, – сказал Франкен за его спиной.

Эти слова Вильям ощутил как удар по телу.

– Ты ничего не знаешь обо мне...

– Наоборот, – перебил его Франкен. – Я готов утверждать, что мы знаем о тебе больше, чем ты сам.

Он поднялся. Его нисколько не прельщала перспектива обсуждать мотивы и нежелание Сандберга, ему требовалось засадить его за работу, и каждая минута, проведенная в этой комнате, была минутой, потраченной впустую.

– Ты рос практически с паяльником в руке. В школе тебя считали вундеркиндом, ты был гением в математике и чудачком, который собирал маленькие электронные штучки еще до того, как твои товарищи научились читать. Ты ремонтировал друзьям радио в школе и имел три собственных патента, еще учась в гимназии. Некая фирма предлагала тебе стипендию на все время учебы в университете, ты мог бы благодаря своим талантам стать сколь угодно богатым. И тебе это известно.

Вильям пожал плечами. Вот как?

– Но ты предпочел остаться у военных.

– Мне хорошо платили.

Франкен покачал головой:

– Ты получал бы больше денег на гражданке, и тебе это отлично известно. Но продолжалась холодная война. Ты использовал свои знания на то, во что верил. Спасал людей. Именно этим ты занимался и поэтому оставался там, и, сколько бы ни думал, что тебя интересовали шифры, и тех-

ника, и закономерности, для тебя нет ничего более значимого, чем спасение других жизней.

Вильям отвел глаза, как бы рефлексивно пытаясь возражать, пусть и знал, что его собеседник прав.

Вильям любил решать проблемы, обожал всевозможные логические конструкции и математику, работа у военных давала ему возможность заниматься этим каждый день, и поэтому он остался у них. Но все обстояло, так как сказал Франкен. Большая зарплата просто служила подтверждением значимости его труда. Вильям расшифровывал сообщения об угрозах шведским интересам и отдельным личностям, и более чем однажды ему пришлось бегать по серым коридорам со срочными текстами о планах всевозможных акций и покушений. Это представлялось нонсенсом тридцать лет спустя, но тогда считалось обыденной ситуацией. И каждый раз, когда у кого-то менялся маршрут или чья-то речь отменялась, каждый раз, когда кто-то оказывался в другом месте вопреки прежним планам просто из-за того, что Вильям выполнил свою работу, он знал, почему продолжает заниматься ею.

Но даже если Франкен был прав по сути, это не играло никакой роли здесь. Вильям не собирался помогать какой-то организации, пока не узнает, с чем ее едят.

– Мне ужасно жаль, – произнес он тоном, говорившим об обратном. – Но я не понимаю, какое отношение моя дочь, моя семья или моя карьера имеют ко всему этому.

Франкен кивнул:

– Мы не в состоянии заставить тебя работать на нас, Сандберг. Если ты откажешься, мы почти ничего не сможем сделать на сей счет. *Но...* – он сделал паузу, пожал плечами, – ты не скажешь нет. Поскольку в противном случае поставишь под удар жизнь...

Он остановился, искал нужное слово какое-то мгновение. Но не находил.

Секунда тишины. Две.

А Вильям не мог отвести взгляд от лица Франкена. Впервые с начала встречи на нем проявилось беспокойство, едва уловимое, где-то на заднем плане почти непроницаемой маски. Оно с таким же успехом могло быть наигранным, хитрым ходом с целью сломить его упрямство, но, смотря на генерала, он не мог отделаться от ощущения, что тот на самом деле чего-то боится.

– И чью же тогда? – спросил Вильям.

Никакого ответа.

– Чью жизнь я поставлю под удар?

Франкен обменялся взглядами с Коннорсом, прежде чем повернулся к Вильяму снова. Потом откашлялся.

– Громадного количества людей, Сандберг.

Ничего больше он не сказал.

Снова сел.

Вильям колебался. Они надавили на нужные рычаги, в меру приоткрыли занавеси, заинтересовали его и подогрели

любопытство, привлекли внимание, и он не остался равнодушным.

Утратил способность защищаться.

– И что случится с тысячами людей? – спросил он наконец.

Тишина.

– Что я должен сделать для вас?

Франкен сидел неподвижно достаточно долго, и Вильям уже стал беспокоиться, не умер ли он, но потом генерал потянулся к своему компьютеру. Кивнул в сторону стен, предлагая: посмотри.

И Вильям сделал это. Одновременно на проекторах перед ним стало меняться изображение.

За несколько секунд окрашенные цифры ушли в стороны и утонули на заднем плане, исчезли, в то время как отдельные пары из них остались, соединились вместе и выстроились вдоль края картинки. Постепенно изображение как бы уменьшилось и дало место для новых цифр, а потом их становилось все больше, и они соответственно уменьшались в размерах. Окрашенные цифры постоянно уходили, в то время как другие выбирались, соединялись, размещались увеличивающимися группами в одном углу, распространялись на всю сторону и в конце концов превращались в единицы и нули.

Вильям поймал себя на том, что он стоит затаив дыхание.

Он уже мог угадать некую закономерность среди всех этих

единиц и нулей, но только когда каждую цифру заменила комбинация странных знаков, у него отпали всякие сомнения.

Тому, что увидел Вильям, было место в музее. Пожалуй, в каком-нибудь университете или исследовательском центре, где угодно, только не здесь. Не в изображении проекторов на тысячелетней стене в замке где-то в Лихтенштейне и определенно не в присутствии серьезных мужчин в военной униформе, имевших в виду, что это важное сообщение, которое только сейчас удалось расшифровать.

Представшая перед Вильямом Сандбергом картинка состояла из сотен символов и штрихов, выстроившихся в ряды и одновременно разбитых на вертикальные колонки.

– Ты знаешь, что это? – спросил Франкен.

Вильям кивнул.

Клинопись.

Он встречался с подобным только в книгах. Одна из самых старых в мире систем письма, ее примеры можно было увидеть на глиняных табличках в телепередачах по археологии. Сейчас стены вокруг него покрывали черно-белые пиксельные версии точно таких же надписей, и они якобы несли в себе неслыханно важное сообщение, которое не удавалось понять.

Вильям долго стоял и смотрел на непонятный для него текст. Двое мужчин не ограничивали его во времени.

Наконец, он опустил взгляд.

– Я не понимаю, – сказал он.

Никто не ответил.

– И вы перехватили это сейчас?

– Перед тобой сборный материал. Он у нас уже какое-то время.

– Вам известно, о чем там речь?

– Да, но тебе не надо этого знать.

Он устало посмотрел на Франкена, не вкладывая в свой взгляд какого-то особого смысла. То, чего Вильям не мог понять, касалось гораздо более приземленных вещей.

– По-моему, вы ошиблись. У вас неправильное представление о моих знаниях.

Снисходительная улыбка в ответ.

– Я работаю с шифрами. Я не египтолог.

– Шумеролог, – поправил его Коннорс. – Знаки шумерские. – А потом: – Мы знаем твою специализацию. Другие переводят надписи для нас.

– Но почему я здесь? Если вы уже получили это из цифр, – пояснил он. – Если вы уже раскололи шифр. Для чего я вам нужен тогда?

Наконец Франкен опустил глаза со стены и посмотрел на Вильяма. Спокойно, пристально. Когда он потом ответил, его голос звучал до крайней степени серьезно.

– Сандберг, у нас не так много времени. – А потом: – Нам нужна твоя помощь, чтобы зашифровать ответ.

Кристина переступила порог маленького кафе на Рёр-страндсгатан и искала взглядом Пальмгрена. Он уже стоял, раскрыв объятия ей навстречу.

Пальмгрен увидел Кристину через окно и знал, что она войдет с такой же серьезной сосредоточенной миной, какая всегда была у нее при их последних встречах. Тогда, так же как и сейчас, насколько он знал, у нее на душе кошки скребли.

Она позволила обнять себя, прежде чем они сказали хоть слово друг другу. Пожалуй, освободилась из его объятий слишком рано, но в качестве альтернативы могла ведь разрыдаться, чего сама не хотела. Даже не встретила с ним глазами, здороваясь.

– Будешь что-нибудь? – спросил он. Главным образом давая ей шанс на секунду отвлечься. Позволяя успокоиться, прежде чем они начнут разговаривать всерьез.

Она покачала головой. Повесила замшевую куртку на спинку стула, села напротив него. Ждала, как бы предлагая ему заговорить первым.

– Ты права. Но это ты ведь уже знаешь.

Она кивнула. Ларс-Эрик Пальмгрен был другом их семьи так долго, насколько у нее хватало памяти, и после их развода остался в том же амплуа, нейтрально поддерживая обе

стороны. Единственный из их общих друзей, не посчитавший для себя нужным выбирать, кто ему дороже. Пожалуй, отчасти в силу профессии. Навыкам дипломатии он научился за годы работы в штабе обороны. Или просто был дипломатичным по характеру. Но независимо от причины он продолжал реально поддерживать и ее, и Вильяма после того, как их дороги разошлись. Ее мучили угрызения совести из-за того, что они давно не давали друг другу знать о себе. Но ей требовалось как можно больше отдалиться от своей прежней жизни, и, как она догадалась, Пальмгрен понял это. Ведь с какой стороны ни посмотри, он был самым умным из ее знакомых.

– Ты знал, что он собирается сделать это? – спросила Кристина после долгой паузы.

Он покачал головой.

– И ты тоже не знала, – сказал он жестко, как бы запрещая ей винить себя, словно она своим тоном как бы намекнула, что ей следовало знать. – Такие опасения возникали у тебя раньше, и каждый раз ты ошибалась. Не так ли? Даже если ты беспокоишься о чем-то, подобное вовсе не означает, что можно заранее предусмотреть трагический итог, если в один прекрасный день все произойдет в действительности.

Кристина пожала плечами. Подобные разговоры не имели смысла, и Пальмгрен знал это тоже. Чувство вины, связанное с тем, что она не помешала Вильяму, существовало само по себе, независимо от степени его обоснованности, и от него

было не избавиться при помощи пустой болтовни.

– В любом случае... – сказал он в попытке увести ее от тягостных мыслей, – в любом случае ни ты, ни я не могли предусмотреть подобного.

Он развел руки в стороны с целью показать, что он имел в виду под словом *подобного*. Она объяснила все по телефону: исчезновение Вильяма, отсутствие компьютеров, всех его папок и публикаций, книг. И он сразу признал ее правоту. Вильям Сандберг исчез не по доброй воле. Для этого не существовало никакой причины, и, насколько Пальмгрен его знал, у Вильяма никогда и мысли не возникло бы внезапно куда-то отправиться. Он был не из таких.

– И каково твое мнение? – спросила она.

– Я долго думал, – ответил Пальмгрен. – Но не могу понять.

– Объясни, – попросила она.

– С оговоркой, что есть вещи неизвестные мне. Я же пенсионер. Если за последние годы случилось нечто революционное, то мне ничего не известно об этом.

– И пресса не знала бы тоже?

Он улыбнулся:

– При всем моем уважении, вам известно далеко не все.

Она улыбнулась в ответ. Жестом предложила ему продолжать.

– Вряд ли ситуация с безопасностью в мире изменилась столь радикально за короткое время. Мне абсолютно непо-

нятно, у кого мог иметься интерес, а также необходимые ресурсы, чтобы увезти эксперта по шифрам, как бы он им ни требовался. Какая-то нация?

Пальмгрен покачал головой, словно отвечая сам себе.

– Сейчас не та политическая ситуация. Разные нации работают вместе. Если бы у какой-то иностранной державы возникла необходимости в шведском криптологе, они связались бы с нами и попросили.

– Организация? – спросила она.

– Террористы? – ответил он вопросом на вопрос.

– Например?

Он посмотрел на нее. Но пожал плечами:

– Что я могу сказать. Пожалуй.

– Но почему бы они выбрали Вильяма? А не кого-то другого, кто сегодня у дел, все еще работает? А не чертова эгоцентричного идиота, считающего, что для решения всех проблем достаточно лечь в ванну и умереть?

Пальмгрен посмотрел на нее. Кристина имела в виду не это, о чем он также прекрасно знал.

– Просто Вильям лучший.

Она кивнула, спокойная снова.

– Ты это знаешь, и я тоже, – сказала она. – Но кто еще? Если только они не в курсе дел в шведских вооруженных силах? А такими знаниями, пожалуй, может обладать только военная организация.

Они сидели молча довольно долго. Старались не встре-

чатся взглядами с официанткой, когда та накрывала стол рядом с ними, а она периодически поглядывала на них, как бы напоминая Кристине, что та находится в кафе, а не в общественном зале ожидания, и здесь не принято просто сидеть, ничего не заказывая.

Потом, когда они снова остались одни, Кристина наклонилась вперед:

– Какие контакты имеются у тебя сегодня?

– О чем ты думаешь? – спросил он.

– О том, чем занимался Вильям. Прежде чем закончил.

Кто делает это до сих пор?

– Я не знаю.

– Но кто-то ведь делает?

– По крайней мере, так должно быть.

Кристина кивнула. Положила руки перед собой на стол. Посмотрела Пальмгрену в глаза.

– Если есть кто-то на стороне. Группа, или организация, или, черт побери, нация, или политическая фракция, или отдельный параноик, помешанный на теории заговоров, где-то в нашей стране. О чем бы ни шла речь, если есть какая-то заинтересованность в знаниях Вильяма, ему же, наверное, известно?

– Если такой имеется, – сказал он и кивнул, – то преемник Вильяма, вероятно, в курсе.

Кристина не сказала больше ничего. Ждала. А Пальмгрен знал, какие слова она хотела от него услышать.

– Я посмотрю, может, мне удастся связаться с ними.

Чувство благодарности заставило Кристину опустить взгляд, шумно вздохнуть. Сейчас она пожалела, что не закачала кофе, тогда смогла хотя бы изучать его, только бы не встретиться с глазами Пальмгрена как раз сейчас.

Пальмгрен взял ее за руки, наклонил голову, словно пытаюсь поймать взгляд Кристины вопреки ее желанию.

– Все будет хорошо, – заверил он. – Я обещаю, все будет хорошо.

Тепло его рук вкупе со словами благотворно на нее повлияло, на душе стало немного легче, и впервые после исчезновения Вильяма она позволила себе чуточку расслабиться и дала волю слезам.

В конце концов подняла глаза на Пальмгрена. Благодарно улыбнулась в ответ.

И даже если они оба знали, что никто из них ничего не может обещать, все равно ни один из них не сказал этого.

Во второй раз на протяжении одного и того же дня Вильяма вели по бесконечным каменным коридорам замка. Но сейчас Коннорс не говорил ничего. Позволил Вильяму идти, погруженному в собственные мысли, дал время переварить услышанное, прекрасно понимая, что тому сейчас не до географии.

Они шли в тишине, пока не миновали комнату, где Вильям проснулся тем же утром. Далее в том же коридоре на-

ходилаась другая дверь, и Коннорс открыл ее (тоже никаких замков, констатировал Вильям) и показал ему маленькую комнату, находившуюся за ней.

– Здесь ты будешь работать. Посмотри, может, тебе чего-то не хватает.

Вильям огляделся. В качестве помещения для работы комната была не особенно большой. Она располагалась вдоль той же стены, что и его спальня, и из нее открывался столь же шикарный вид. Четыре больших окна смотрели на горное озеро, а вдоль боковой стены стоял длинный стол с мониторами и компьютерами, и рабочими материалами, и даже ручками и бумагами, а также офисный стул, выглядевший очень привлекательно.

В первый рабочий день он вошел в свой кабинет.

Довольно приличный, надо признать.

– Узнаешь? – спросил Коннорс.

– Извини?

Вопрос казался абсурдным, и Вильям поднял глаза на генерала, одарил его недоуменным взглядом. Но Коннорс лишь еле заметно улыбался, явно не собираясь ничего объяснять, и Вильям снова повернулся в сторону комнаты.

Прошло какое-то время, прежде чем он понял, что здесь ему многое знакомо.

А еще через мгновение до него дошло почему.

Это были его собственные компьютеры.

И поставлены точно таким же образом, как и в его кварти-

ре. Мониторы, и системные блоки, и специальное встроенное оборудование, которое он нарисовал сам и заказал строго секретно. А на полках над мониторами красовалась его собственная литература, папки, все находившееся в его кабинете дома, все необходимое ему для работы здесь.

Только окинув взглядом стол в третий раз, он понял, что лишь одно не сходится. Он сделал шаг вперед, к серо-зеленому ящику из стальных листов, формой напоминавшему куб, установленному на краю, в стороне от всего другого.

Это не мог быть он. Ни в коем случае.

Он положил на него руку, провел пальцами по холодной поверхности. Повернул его так, что перед ним предстали ряды разъемов и выключателей, установленных на плоской панели, составлявшей его заднюю стенку. Он выглядел кустарным изделием из восьмидесятых годов.

– Как, черт возьми, вы заполучили его? – спросил он.

– Заказали.

– Заказали?

Вильям посмотрел на Коннора. Этот блок уж точно нельзя было купить в магазине. Или украсть, вломившись куда-нибудь и прихватив с собой. Пришлось бы преодолеть массу преград в виде систем сигнализации и, возможно, толстых стальных стен, чтобы добраться до него. Удалось бы справиться, только заполнив кучу бумаг и получив бесконечное количество подписей под ними.

В этом он был уверен почти на сто процентов.

Поскольку собственными руками создал данное устройство.

Начал конструировать весной 1992 года и доводил до ума поэтапно в течение двух лет. Оно являлась основой ультра-секретного научного проекта и использовалось в течение едва ли семи лет, после чего его поместили в мешок с силикагелем и положили в пещеру, как хорошо охраняемую тайну. И даже если каждый отдельный компонент сам по себе прилично отставал от времени, самодельный компьютер на столе перед ним был создан для одной-единственной задачи. И возможно, по-прежнему оставался одним из самых действенных инструментов по декодированию зашифрованной информации в мире.

И назывался Сарой. В честь его знакомой с таким же именем.

– У нас есть кое-какие контакты, – пояснил Коннорс в ответ на его вопрос.

– Я понимаю, – сказал Вильям. – Я догадался об этом.

Его удивили чувства, нахлынувшие на него. Это же были просто бездушные машины. Но одновременно они напомнили ему о тех временах, которые он пытался забыть, или умалить их значение, или, по крайней мере, относиться к ним с пренебрежением, а сейчас ему напомнили обо всем, внезапно, с совершенно неожиданной стороны и с огромной силой.

Он посмотрел на Коннорса и кивнул.

Это означало «спасибо».

Даже если он не хотел признаться себе в этом.

Коннорс оставался в комнате и наблюдал за Вильямом Сандбергом еще минуту, видел, как тот наклонился над своим оборудованием, проверил разъемы и провода, убедился, что все соединено надлежащим образом. В конце концов почувствовал себя лишним, решил не мешать и повернулся, собираясь уйти.

Он как раз открыл дверь, когда услышал голос Вильяма у себя за спиной.

– Коннорс, – позвал он.

Сандберг стоял сбоку от своих компьютеров. И то, как серьезно он смотрел, удивило Коннорса, и впервые он по-настоящему понял, что человек напротив него всего сутки назад пытался покончить с собой.

От усталого ироничного взгляда не осталось и следа. В нем появилось нечто иное, некий налет доброты, которого он не ожидал, хотя и следовало бы, и в какой-то момент Коннорс боролся с желанием подойти к нему, похлопать по спине, сказать, что все будет хорошо.

Но к сожалению, Коннорс сомневался в таком финале. Он просто кивнул в ответ. Спрашивай.

Вильям перевел дух. Обдумал каждое слово. Очень тщательно.

– Я вижу только одну причину, почему ООН понадобилось бы создавать секретную полувоенную организацию под своей эгидой.

Коннорс стоял неподвижно. Ничего не сказал, просто ждал продолжения.

– Если есть конкретная, всеобъемлющая угроза, направленная не против какой-то отдельной страны. Если что-то затронуло бы нас всех и возникли опасения относительно неизбежности такого развития событий. Если бы все обстояло так. И в случае беспокойства о последствиях в том случае, если общественность узнает. Тогда пожалуй.

Если у Коннорса еще и оставалась улыбка на лице, когда он повернулся, сейчас она исчезла. Он стоял неподвижно и смотрел прямо в глаза Вильяма, не отводя их ни на миллиметр.

Сандберг назвал причину, проще он сам не смог бы сказать.

Ни один из них не произнес больше ни слова.

А потом Коннорс повернулся и покинул комнату.

Уже далеко за полночь Кристина вернулась в редакцию. В руке она держала выдавший виды пакет из супермаркета с бесцветными макаронными изделиями в столь же бесцветной бумажной упаковке. Не от голода, а по причине того, что по всем меркам вроде бы должна испытывать его, она собиралась разогреть их в офисной микроволновке уже неизвестно в какой раз, а потом съесть часть и оставить остальное у себя на письменном столе, чтобы уборщица забрала вместе с содержимым корзины для бумаг, когда придет спозаранку.

Сама она надеялась к тому времени уже уйти домой.

Пребывание в офисе ночью вызывало какое-то особое чувство. Темп был ниже, те, кто работал, делали это в тишине, телефоны главным образом молчали, и сейчас их обычную для дневных часов непрерывную трескотню заменял шум вентиляторов, компьютеров и люминесцентных ламп. Если кто-то не хотел идти домой и, сидя в полном одиночестве, таращиться на себя в зеркале, редакция представлялась отличной альтернативой. Ты был не один, но единственное общение с коллегами сводилось к усталым кивкам, когда кто-то проходил мимо. И по ощущениям Кристины, именно это требовалось ей в такой вечер.

По крайней мере, обычно так все и получалось.

Но на письменном столе прямо напротив стеклянной стены ее кабинета горела настольная лампа, освещающая включенный компьютер и одинокую кепку, лежавшую на блокноте рядом с ним.

Лео еще не ушел домой. И прежде чем она успела оглядеться и определить его местоположение, шум опрокинувшейся кофейной чашки со стороны кухни громом прозвучал среди монотонного гула электроприборов и заставил Кристину повернуться в ту сторону.

Он стоял у длинной мойки посередине кухонного отделения и с помощью огромного количества бумажных полотенец пытался помешать светло-коричневой луже из смеси молока и кофе стечь на пол и разбежаться по нему. Кристи-

на молча наблюдала за ним, двигаясь в его сторону. Решала, можно ли ей улыбнуться из-за всего этого или надо испытывать беспокойство по поводу того, что ей достался такой помощник.

– Ты еще здесь? – спросила она наконец.

Лео поднял глаза. Он не слышал, как подошла Кристина. Просто развел руки в стороны, как бы показывая, да, вот он.

А на обратном пути те же руки захватили с собой кофейную чашку. Она лежала на боку, и он выругался про себя, прежде чем взялся за рулон с полотенцами снова, отмотал еще кусок и начал новые спасательные работы с целью остановить вражеский ручеек, уже прорвавшийся к самому краю стола.

– Ладно, – сказала она. – Раз уж мы все равно здесь...

Она поставила свою упаковку с макаронами в микроволновку и включила ее. Прислонилась к рядам кухонных шкафов и коротко рассказала о своей встрече с Пальмгренем, об их совместных размышлениях относительно того, кто и почему, и о его обещании попытаться выяснить, имеют ли оборонительные силы хоть какое-то представление о происходящем.

Особо не о чем было разговаривать, и она замолчала еще до того, как ее еда успела разогреться. Призывно посмотрела на Лео, словно передавая эстафету ему. Но он просто кивнул. Перевел дух, словно хотел сказать что-то, но не нашел нужных слов и повернулся к кофейному аппарату с целью

снова наполнить свою чашку.

Ей приходилось все вытягивать из него клещами.

– А ты сам? Что ты узнал?

Он печально посмотрел на нее. Сформулировал мысленно ответ, прежде чем начал говорить.

– Немного, – сказал он. – Я пообщался с транспортной фирмой. Если верить им, они никого не посылали туда. То есть по адресу Вильяма. Но соседи уверены, что у грузчиков на спецодежде красовалась надпись «Стадсбудет».

– В какое время они там были?

– Никто не хочет признаваться, как внимательно они следят за соседями. Сначала они не знают, потом начинают наводить тень на плетень. Но где-то около полудня.

Кристина кивнула:

– А когда он исчез из больницы?

– Последний раз его видели в одиннадцать. Больше ничего не знают.

Пауза, прежде чем он продолжил:

– Записи с камер видеонаблюдения отправлены в полицию. Но никто не надеется там ничего найти. Ты же понимаешь. Больница. Неприкосновенность и независимость личности и все такое. Там камер всего пара штук. Если знаешь, как идти, пройдешь почти везде и ни разу не засветишься.

Следующее, сказанное им, удивило Кристину.

– Я попытался немного прогуляться везде сам. И после нескольких заходов прекрасно представлял, каких путей на-

до придерживаться. Это не составило особого труда.

– Ты побывал там?

– Мне же требовалось поговорить с ними.

Кристина кивнула. Не понимала, почему, собственно, это удивило ее. Возможно, она поступила бы так и сама. В принципе можно ограничиться и телефоном. Но лучше смотреть людям в глаза, когда разговариваешь с ними. Просто в глубине души она ожидала, что Лео выберет самый легкий путь. И когда он не сделал этого, она обрадовалась своей ошибке.

– Я просто не знала о твоей поездке туда, – объяснила она.

– Я же все равно был в городе, – пожал плечами он. – На Страндвеген, и потом «Стадсбудет» находится в Вазастане, а больница расположена почти по пути домой.

Ничего себе. Она не смогла не улыбнуться.

– И что тогда, черт побери, ты делаешь здесь?

Лео поднял на нее глаза. Он услышал нотки теплоты в ее голосе и вынужден был сконцентрироваться на чем-то другом, лишь бы не покраснеть.

– Я... подумал, – ответил он, расставив акценты так, что получилось вроде бы законченное предложение. Конечно, прекрасно сознавая, что это звучит по-идиотски, но предпочел лучше так, чем, кроме того, выглядеть смешным.

На какое-то время снова воцарилась тишина.

– Когда ты в последний раз смотрел на часы? – спросила Кристина.

Лео пожал плечами. Конечно, был в курсе, что уже позд-

но. Но у него имелась причина вернуться в редакцию. Он бросил взгляд на компьютер и задумался на минуту.

Он мог бы рассказать. Но не хотел делать этого. Не сейчас. А вдруг он ошибается.

Пожал плечами снова, хотя точно знал, сколько времени.

– Иди домой, – предложила Кристина.

Лео колебался.

– Я, пожалуй, побуду еще немного, – сказал он.

Кристина посмотрела на него.

Сколь бы странным это ни казалось, но сейчас она услышала от Лео первое предложение, когда он не запинаясь и не начинал сначала, а произнес его четко и спокойно. И Кристина просто не поверила своим ушам и снова не смогла сдержать улыбку.

– В чем дело? – спросил он.

– Ничего. Просто устала. И ты тоже.

Это была правда, но он не позволял признаться в этом себе.

– Возьми такси, – предложила Кристина. – И отдай мне завтра квитанцию.

Она потянулась и забрала у него чашку с кофе. Лео был немного несуразный, но, вне всякого сомнения, оказался более толковым, чем она считала. И хотела, чтобы он таким оставался.

– Завтра начинаешь в восемь тридцать, – сказала она. – И я не хочу, чтобы ты клевал носом.

Она улыбнулась ему, тем самым давая понять, что не потерпит возражений с его стороны. А потом взяла макароны из микроволновки и направилась в сторону своего стеклянного кабинета.

Лео уже в куртке и кепке подошел к кабинету Кристины. Остановился перед ее дверью, прислонился верхней частью туловища к стеклу, в результате чего пуховик оказался прижатым к нему и напоминал сработавшую подушку безопасности.

Кристина подняла на него глаза, ждала, пока он несколько раз сформулирует мысль, прежде чем скажет.

– Почему ты так уверена? – спросил он, наконец. – Что он не добровольно?...

Это был вполне обоснованный вопрос. И пусть даже Кристина сомневалась, стоит ли ей знакомить его с подробностями прошлого, о котором она с удовольствием забыла бы, но ей так и не удалось найти ни одной достойной причины держать его в неведении.

– Они упаковали все, – сказала она наконец. – Забрали с собой компьютеры. Одежду. Даже зубную щетку. Все.

Его глаза вопросительно смотрели на нее. Ну и что?

Она взяла свой мобильный телефон и нашла одну из фотографий, сделанных ею в то утро. Снимок кабинета Вильяма, и она провела пальцами по экрану с целью показать увеличенное изображение одной из стен. Множество заключен-

ных в рамку фотографий покрывало ее целиком, от края низкого бюро до самого плинтуса. То же самое лицо повсюду, молодая женщина в различных ситуациях. С улыбкой в сторону камеры, иногда портрет в полный рост, иногда снятая в движении. На некоторых изображениях более молодая, пожалуй, пятнадцати лет, на других постарше.

Но нигде больше двадцати.

– Кто это? – спросил он.

– Сара, – ответила Кристина. – Она была нашей дочерью.

Он уловил ее тон. *Была*. Ничего не сказал.

– Если бы он упаковывал вещи сам, они не остались бы висеть там.

Кристина выключила телефон. Положила его на стол. Печальная улыбка в то время, как она отвела глаза в сторону от него. А потом:

– В самом деле, Лео. Иди домой спать.

Он стоял неподвижно какое-то мгновение. Но потом кивнул, тем самым пожелав доброй ночи, освободил ее стекло от веса своего пуховика и направился к лифту в другой конец этажа.

Кристина осталась на своем месте. Посмотрела на горячую картонную упаковку с бесцветными макаронными изделиями, отправила ее прямо в корзину для бумаг, даже не открыв, включила компьютер и попыталась сфокусироваться на своей работе.

Вильям засиделся у себя в рабочей комнате далеко за полночь, пока стоявший на посту за дверью охранник не утомился настолько, что постучал и дружелюбно, но решительно предложить идти спать.

Вильям кивнул в знак согласия. Попросил разрешения забрать с собой несколько публикаций и маркеров в свою комнату, и охранник, посмотрев на него усталыми глазами, не нашел ни одной причины отказать. Вернувшись к себе, он использовал зеркало ванной в качестве маркерной доски и продолжил работать до двух часов, пока оставшиеся от завтрака фрукты наконец не кончились.

Проснувшись пять часов спустя в свое второе утро в заключении, Вильям был полон энергии. Он в последний раз чувствовал себя так хорошо столь давно, что уже успел забыть, когда это было.

Никто не постучал в его дверь. Никакого будильника, никто не сказал ему, что пора вставать, но он все равно сел на край кровати почти ровно в семь, бодрый, в мыслях уже готовый начать с того, на чем закончил вчера.

Он отпустил мысли в свободный полет, а потом пошел в ванную и излишне долго принимал теплый душ, в то время как мыслительный процесс продолжался сам собой.

Затем он, к собственному удивлению, лег там же на пол и

сделал свои первые черт знает за какое время отжимания.

Это далось ему значительно тяжелее, чем раньше, насколько он помнил.

Но, упав на пол после восемнадцати повторений, он чувствовал себя победителем. Пусть его руки ныли, он вспотел, но мышцы явно не совсем атрофировались и еще все помнили, что обрадовало его. Требовалось просто делать все снова.

Точно как многое другое. Просто делать.

В комнате кто-то побывал, пока он приводил себя в порядок, и поставил поднос с завтраком у его кровати. Он был столь же большим и также радовал глаз разнообразием красок, как и в предыдущий день, но Вильям довольствовался лишь чашкой кофе и одним фруктом и предпочел сконцентрироваться на газетах, которые также лежали на подносе. На них стояла вчерашняя дата. Но все равно он остался доволен.

Шведские ежедневные издания, оба.

Он пробежал глазами по первой полосе, особенно ни во что не углубляясь. Потом сосредоточился на одном издании, перелистал его и раскрыл на разделе, касавшемся событий в Стокгольме.

Просмотрел заголовки. Внимательно. Один за другим.

Потом отложил в сторону, поменял на конкурента, повторил все то же самое.

Там тоже ничего.

Ладно.

Он сложил газеты снова. Вернул их на поднос, первой полосой наружу. Зачем им знать, что он искал.

О его исчезновении не упоминалось нигде, и, даже если это вызвало сожаление с его стороны, ничего другого и не следовало ожидать. Единственным человеком, кто мог хватиться его, была Кристина. Но, насколько он понимал, те, кто увез его, позаботились обстричь все так, чтобы ни у кого не возникло вопросов. Какие бы мысли ни возникли у нее по поводу его пропажи, они не нашли свое отражение в газете.

Еще большая причина, подумал Вильям, поступить так, как он задумал.

Когда Коннорс десять минут девятого постучал в его дверь с целью узнать, готов ли он начать новый рабочий день, Вильям был уже давно одет.

И рвался в бой.

И имел собственные планы.

О которых уж точно не собирался рассказывать Коннорсу.

Когда Вильяма восемнадцать часов назад оставили одного в его новой рабочей комнате, он чувствовал себя значительно менее уверенно.

Разговор с Коннорсом и Франкеном получился тяжелым и оставил ощущение, что они несли ответственность за нечто неслыханно важное. Но никто из них, похоже, не собирался рассказывать, о чем идет речь, от чего ситуация не стала лучше.

Вильям стоял посреди комнаты и глазел на бесконечное количество непонятной информации на стенах вокруг него. На одной из них висели листы бумаги с напечатанными на них таинственными цифровыми последовательностями, в достаточно большом количестве, чтобы они смогли занять почти все пространство от пола до потолка. А соседнюю украшали распечатки текста, который якобы был шумерской клинописью, но одновременно мог оказаться чем угодно и выглядел как обои с черно-белыми графическими деталями.

Листы располагались группами, закрепленные вплотную друг к другу, но здесь и там имелись небольшие зазоры, отделявшие их от следующих, им подобных, как бы с целью показать, что здесь последовательность обрывалась и что цифры и информацию, ранее находившиеся там, убрали, посчитав неинтересными.

Всего было ужасно много.

И он не мог понять, с какой стороны ему начинать.

Кроме того, имелись вещи, о которых он предпочел промолчать, но беспокоившие его столь же сильно.

Вне всякого сомнения, ему не первому всучили данную работу. Кто-то занимался тем же материалом до него, сделал первый этап, то есть понял правильное толкование бесконечных цифровых последовательностей, висевших вокруг него, нашел ключ и превратил их в длинные картинки с шумерским текстом.

Но что это означало?

Кто-то начал его работу, но не прошел весь путь вперед? И почему же? Кто тогда? И в таком случае, где он находится сейчас?

Вильям покачал головой.

И теперь понадобилось написать ответ. На сообщение, которое он не мог прочесть. Огромное спасибо.

Естественно, от этого не становилось легче. Они разобрались с текстом, но вовсе не обязательно нашли всеобъемлющий ключ, и сейчас отсутствовал метод, позволяющий пройти в обратном направлении. Закономерность и единая формула или, боже праведный, формулы, позволявшие в любое нужное мгновение зашифровать новое послание и знать, как и почему, и какие переменные в него входят, и какую ценность они должны иметь.

Этот процесс мог оказаться ужасно сложным. А формулы, пожалуй, могли зависеть от того, где в длинной последовательности размещается зашифрованный текст, и, возможно, от того, какие другие тексты уже находились в ней же или даже в других неизвестных ему последовательностях. И у него только хуже становилось на душе от того, что ни один дьявол не хотел рассказать, откуда пришел данный материал. Как он тогда мог узнать, где ему начинать?

Черт.

Вильям постарался избавиться от этих мыслей.

Начать сначала. Посмотреть все вместе, получить представление об объеме, прикинуть, какую информацию он в

состоянии вытащить из висевших перед ним бумаг.

Встал перед всеми распечатками. Пошел от конца к началу, начиная со стены с клинописью.

Она ему ничего не сказала, но он, естественно, и не ожидал иного. Это с таким же успехом могла быть стена детских рисунков, ничего не значащих бессмысленных штрихов, но сейчас все явно обстояло совсем иначе. Наоборот, они оказались настолько важными, что все нации мира посчитали необходимым создать целую организацию только ради них. И кем он был, чтобы возразить?

С расстояния нескольких шагов тексты выглядели как длинные непрерывные последовательности, сторона к стороне, но с близкого расстояния он увидел, что каждая распечатанная страница ограничена тонкой рамкой, словно представляла собой единый модуль, отдельный кусочек большой мозаики из страниц формата А4, висевшей вдоль стены и составлявшей общий текст.

А каждая страница представляла собой собственную матрицу, с пикселированной частью послания.

Двадцать три пикселя в ширину. Семьдесят три в высоту. Всего 1679 пикселей, составлявших одну сточку шумерских черточек и символов, которые уж точно не сказали ему ничего.

Так, ладно.

На соседней стене висели все бумаги с цифрами, и сейчас он встал перед ними.

На каждом листе находилось два поля цифр. На верхней половине они были напечатаны черным цветом, а на нижней красным, край к краю и без промежутков. Латинские буквы С и Р объясняли ему, о чем идет речь.

*Cipher*¹ и *Plaintext*².

Черный текст был С. Зашифрованным кодом, который они перехватили.

А красный – Р. Текстом, полученным в результате расшифровки. Цифрами, которые они, в свою очередь, далее истолковали как клинописные картинки, распечатки которых занимали соседнюю стену.

Пока все выглядело в порядке вещей.

Но его удивило, что все последовательности состояли из четырех цифр.

Вильям не заметил этого, когда они проносились мимо него на стенах в большом зале, где состоялась встреча с Франкеном, но, подумав, понял, что, пожалуй, так все и обстоит.

Из четырех.

А не из двух, как обычные цифровые последовательности с нулями и единицами. Не из десяти, как в обычной старой всеми уважаемой системе исчисления, которой каждый учился с первого дня, когда переставал пускать слюни и мог сидеть прямо. Последовательности перед ним состояли из

---

¹ Шифр (англ.).

² Открытый текст (англ.).

цифр от нуля до трех.

Четырехзначная основа.

Здесь не было ничего революционного. Он, естественно, сталкивался с подобным раньше, но только в теории, в качестве анекдотической идеи, примера того, как система исчисления выглядела бы на основе самого разного количества знаков. Программисты использовали шестнадцать. Вавилоняне – шестьдесят. Но кому во всем мире могло прийти в голову использовать четыре? И почему? Это удивило Вильяма просто-напросто как факт, когда он столкнулся с ним.

Если чему-то в конечной стадии предстояло превратиться в черно-белые пиксели, какой смысл было прятать их в цифрах от нуля до трех?

Он покачал головой.

Это не имело никакого смысла.

От него же не требовалось трансформировать красные, уже расшифрованные цифры в клинопись, красовавшуюся на соседней стене. Это уже сделал кто-то другой, и он же превратил клинопись во что-то читаемое, современное. И даже это не играло никакой роли, поскольку никто не хотел рассказывать ему, что там зашифровано.

В его задачу входило понять связь, путь от черных цифр к красным, а потом найти способ, как новые красные цифры преобразовать в новые черные, и он с сожалением констатировал, что вся задача заставляет его нервничать и кажется глобальной. А его единственное желание сводится к тому,

чтобы просто наплевать на все и обратиться отсюда.

На мгновение он скопился в сторону письменного стола. Папки. Компьютеры.

Он мог бы, но не должен был.

Среди лежавших там бумаг он мог найти расчеты и мысли своих предшественников и сумел бы, взяв их на вооружение, отыскать кратчайший путь к решению, и это выглядело невероятно привлекательно, но было абсолютно неверным.

Вильям знал, если кто-то просчитал ключ, действовавший только в одном направлении, значит, он оказался неполным или даже ошибочным. Вильям не имел ни малейшего желания наступить на те же грабли. Не хотел пользоваться чьими-то рассуждениями, в принципе неподвластными ему, принимать что-то на веру только из-за того, что это выглядело так хорошо на бумаге, которую написал кто-то другой.

Ему требовалось начать все сначала. Без предубеждения. Без вспомогательных средств.

И без компьютеров.

Именно так все следовало сделать в его понимании. И это было частью того, что ему обычно нравилось, но в последний раз он занимался чем-то подобным тысячу лет назад и, положив руку на сердце, боялся потерпеть неудачу. Не справиться. Обратиться за помощью к компьютерам, только чуточку, на начальном этапе.

А ими он не должен был пользоваться.

Если он не знал, то они и подавно.

Когда он все еще шел бы на ощупь, от них потребовалось бы только поддерживать его уверенность в собственных силах, пока он что-то не обнаружит. А сейчас существовал только один способ близкого знакомства с материалом. Бумага и ручка. Рисовать и считать вручную. С целью почувствовать шифр всем телом.

Он стоял и блуждал взглядом вперед и назад по цифрам, пытался найти подход к ним, но не понимал как. Чувство клаустрофобии захлестнуло его тело, он тяжело задышал, почувствовал необъяснимое беспокойство и внезапно осознал все с полной ясностью.

Он растерял свои навыки.

Не умел больше ничего.

В конце концов он отшвырнул бумагу и ручки в сторону, в отчаянии сбросил папки на пол, открыл дверь и вышел в коридор. Ему требовался глоток свежего воздуха. Сменить обстановку. Подумать о чем-то другом.

И сразу ему на глаза попался охранник в серой униформе, новое лицо, ранее не виденное им на этой планете. С широко расставленными ногами он стоял всего в нескольких метрах от его двери, праздный взгляд, как у музейного стража в отсутствие посетителей.

– Я могу чем-то помочь? – спросил он без особого интереса. Судя по его тону, думал он об обратном. Он находился там с единственной целью помешать Вильяму пойти туда,

куда тот ходить не должен был.

Вильям объяснил, что ему надо подвигаться.

– Ты можешь ходить вперед и назад здесь, – предложил охранник.

– Я могу и прекратить работать, – огрызнулся Вильям. – Мне необходимо гулять, иначе я не могу думать, а именно для этого я здесь. Тебе выбирать.

Их взгляды встретились и боролись несколько секунд. И даже если цербер полностью не представлял, чем Вильям занимается для них, все равно знал, что пленник должен пребывать в как можно лучшем настроении, и всячески способствовать этому также входило в его обязанности. Кроме того, Вильяму все равно некуда было уйти.

Охранник дернул головой. Сохранил серьезный взгляд, даже если они оба знали, что Вильям вышел победителем в их невидимом поединке.

– Но ты не наделаешь ничего предосудительного, – предостерег он.

Вильям сухо улыбнулся в ответ. Он с удовольствием принял бы намек относительно того, какие глупости можно сделать, когда ты окружен толстыми каменными стенами. Но решил не говорить этого, дернул головой в ответ, предоставив охраннику самому решать, было ли это знаком благодарности, пожеланием отправляться в задницу или чем-то промежуточным, а потом отправился дальше по коридору.

Идти ведь ему особо было некуда.

Тот же затхлый воздух, как и в его рабочей комнате, стены из тех же бесконечных рядов сложенных друг на друга камней.

Но по крайней мере, он получил передышку от цифр и предложил глазам новую задачу, если у них имелось желание. Например, считать камни или искать шаблон в их кладке. Это, конечно, не имело никакого значения, но позволяло им отдохнуть с помощью чего-то не важного и не требовавшего особого напряжения.

Однако мысленно он все равно постоянно возвращался к своей проблеме.

1679.

Двадцать три умножить на семьдесят три.

Прежде всего, его раздражало, что он узнал это формирование и подсознательно понимал, что знает почему, но, сколько ни пытался отправить мысли в экспедицию по удаленным уголкам своей памяти, они возвращались пустыми, и это еще больше злило и разочаровывало его, и он предлагал себе оставить данное занятие и в итоге так и поступил.

В конце коридора вправо уходило довольно широкое ответвление, и именно этой дорогой Коннорс водил его на встречу вчера, а за ним в разные стороны разбегались еще несколько узких проходов. Он выбрал один из не разведанных ранее и по мере того, как продвигался вперед, продолжал считать камни, методично и спокойно, но все более внимательно смотрел вокруг, что удивило его самого.

И прежде всего, Вильям заметил, что не видит никаких камер. И это озадачило его. Либо камер вообще не существовало, либо они были очень хорошо спрятаны в толстых стенах, и увидеть их не представлялось возможным. И он подумал, что последнее еще глупее. Камеры лучше всего осуществляли свою работу, когда они мозолили всем глаза и выглядели устрашающе.

Хотя сейчас это не играло никакой роли.

И Вильям стал исходить из того, что они установлены повсюду.

Потом ему пришло в голову, что он получил свой шанс. Охранник сам позволил ему провести рекогносцировку и, возможно, даже не понимал, чем он занимается. Пожалуй, поскольку подобное в принципе не входило в первичные намерения Вильяма. Он действительно хотел лишь прогуляться. Но коль скоро все равно находился здесь, решил совместить приятное с полезным.

Вильгельм двигался дальше.

Спокойно.

Однако теперь это уже была не только прогулка.

Он старался запомнить весь маршрут, какие дороги куда ведут и как они выглядят, и решил, что за этой экскурсией должны последовать многие другие, пока он не разберется с максимально возможным количеством коридоров.

В конце концов большая дверь перегородила проход перед ним, и рядом с ней находилась коробочка, явно с датчи-

ком для электронного ключа. Красный светодиод слабо светил у ее верхнего края, объясняя всем и каждому, что дверь заперта и собирается оставаться таковой далее, пока ее не убедят в обратном при помощи правильной синей шайбы.

Вильям смотрел на нее какое-то время, потом решил, что зашел уже довольно далеко и что пришло время возвращаться, пока кто-то не беспокоился его отсутствием.

По дороге назад в свой коридор он сформулировал для себя две цели.

Прежде всего, постоянно видеть, что находится впереди.

Ни на один шаг, ни на два, а как можно дальше.

Попытаться понять построение и логику ключа к шифру. И постоянно извещать о своих успехах Коннора и Франкена, но в умеренном темпе. Пусть они знают, что он выполняет свою работу. Но он постарается знать больше, чем будет рассказывать. Не потому, что представлял, как ему использовать это знание, просто в его понимании было лучше опережать их, чем наоборот.

Однако самой важной являлась вторая цель.

При любом раскладе ему требовалось найти способ выбраться отсюда.

Вильям с обновленной энергией принялся за работу, когда Коннорс на следующее утро оставил его в большой рабочей комнате.

Ночные записи на зеркале в ванной, пожалуй, не помог-

ли ему увидеть ничего нового, но заставили думать. Он прошелся по тропинкам, не испробованным ранее, вынудил себя искать связи и закономерности, и даже если это сразу не принесло дивидендов, знал, что преуспееет в конце концов.

Во второй раз он начал свои странствования среди тех же стен, вперед и назад между цифрами и картинками, рядами и столбцами, в поисках любой зависимости, которая показалась бы ему знакомой, переходил из одной стороны в другую и искал снова. Он делал свои пометки на разноцветных листочках бумаги и приклеивал их к стене, тем самым стараясь подчеркнуть некое сходство, или мысль, или идею, и медленно, медленно знакомое чувство стало возвращаться снова. Ощущение, что он дома. Для человека, еще два дня назад пытавшегося покончить жизнь самоубийством, эйфория была сильным словом. Но если бы ему самому понадобилось как-то описать свое нынешнее состояние, оно подошло бы лучше всего.

Он проработал ровно два часа, прежде чем отложил в сторону ручку.

Пришло время для решения второй половины задачи.

Его собственной половины.

На сей раз охранник был готов к такому повороту событий и значительно более сговорчив. Вильям объяснил ему свою потребность в прогулке, получил необходимые инструкции и отправился в путь.

Та же тактика, как и вчера. Спокойно, прогулочным ша-

гом. Без какой-то видимой цели. И одновременно он регистрировал все, встречавшееся ему, пытался запомнить и зафиксировать на карте у себя в голове. Выбирал дороги, где еще не ходил, методично и тщательно, чтобы в памяти отложилось, какие ему еще осталось обнаружить, и в конце концов он устал и решил вернуться в свою комнату.

Только еще один коридор, подумал он.

А потом повернул в длинный и узкий боковой проход.

Всего один коридор еще, а потом он повернет назад.

Но внезапно он оказался перед выбором.

Вильям увидел это, как только повернул за угол.

Дверь в конце коридора, на расстоянии примерно десяти метров от него, как две капли воды похожая на ту, перед которой его прогулка закончилась вчера. Большая, тяжелая, деревянная. Литые петли. И плоская коробочка сбоку от нее.

Но здесь имелось одно отличие.

На ней горел зеленый светодиод.

Кто-то совсем недавно прошел, дверь закрылась, но замок не сработал, и тихое жужжание свидетельствовало о том, что он еще не заперт и можно идти.

Вильям остановился. Затаил дыхание.

Стоит? Или нет?

Это был шанс. Но не вовремя. Пока еще слишком рано.

Он хотел знать больше. Успеть понять, куда вляпался, исследовать больше путей, пожалуй, даже, чтобы его водили

на встречи в те части замка, которые он пока не видел. В результате у него появилось бы больше возможностей выбрать-ся отсюда и больше рассказать, если он сделает это.

Но у него не было времени на раздумья.

Он получил шанс, и вряд ли ему могло повезти также еще раз снова, а замок перед ним подмигивал зеленым светом и уж точно не собирался делать это вечно.

Он колебался. А потом перестал.

Скорее действовал рефлекторно, чем принял осознанное решение. Он бросился вперед, пулей преодолел десять метров, отделявшие его от двери, и при каждом шаге ему казалось, что вот-вот зеленый светодиод погаснет и загорится красный, но ничего подобного не случилось. Через секунду он уже был на месте, рывком открыл дверь и проскользнул за нее, отпустил ее как можно быстрее, чтобы никакая сигнализация не успела сработать и сообщить о том, что дверь оставалась открытой больше, чем требовалось.

За его спиной она с шумом вошла в свою раму. И почти сразу же раздалось жужжание, когда замок закрылся, и зеленый светодиод отключился, передав эстафету красному.

Только сейчас у Вильяма появилось время подумать.

И он понял, что, возможно, совершил ужасную глупость.

Стоял абсолютно неподвижно и дышал как можно тише. Кто-то только сейчас прошел той же дорогой и, скорее всего, не успел уйти достаточно далеко.

Перед ним простирался новый коридор. Идентичный то-

му, который он мгновение назад оставил, такой же выложенный плитами пол, такие же каменные стены. Он заканчивался узкой нишей с маленьким окном. Пожалуй, далее лестницы расходились в разных направлениях. Но этого он не мог видеть с места, где стоял.

А вокруг царила тишина. Это беспокоило его.

Вильям предпочел бы слышать шаги, какие-то признаки жизни, эхом отдававшиеся все дальше, пока они не затихли бы совсем, подсказав Вильяму, куда тот, кто шел впереди, держал путь.

Как вариант, этот человек сейчас мог находиться где-то поблизости.

Что выглядело бы довольно странно.

Он стоял неподвижно очень долго и потерял ощущение времени, и уже не знал, провел ли секунды, минуты или часы в таком состоянии, и в конце концов решил, что ему, собственно, нечего терять. Он ведь уже вошел в запретный коридор. Ему единственно оставалось идти вперед, попытаться выяснить как можно больше, прежде чем они найдут его, в надежде впоследствии использовать хоть крупицу из полученных сейчас знаний. Пожалуй, они уже начали его искать.

Вильям продолжил путь. Не видел никаких камер здесь тоже, хотя и не сомневался в их присутствии, снова и снова заставлял себя двигаться прогулочным шагом, в то время как его глаза странствовали вокруг и регистрировали все, попадавшее в поле их зрения.

Он миновал одно ответвление. И еще одно. Они представляли собой темные проходы с низким потолком и без освещения. И заканчивались тяжелыми дверьми, которые он точно не смог бы форсировать, сколь бы ни старался. Он отметил их, как отдельные детали на карте в своей голове, и продолжил двигаться к нише. В надежде, что там спуск. Лестница. По которой он сможет добраться до выхода, где сумеет выбраться наружу.

Шел прогулочным шагом.

Как праздногоуляющий.

Но у него не оставалось выбора.

А потом он резко остановился.

Черт.

Шаги.

И огляделся. Судя по эху, он оказался прав. От ниши там впереди начиналась лестница. Плохая новость состояла в том, что звук шагов усиливался.

Вильям огляделся. Пульс уже зашкаливало.

Его единственный путь к отступлению перекрывала деревянная дверь с красным светодиодом, других возможностей оставалось не так много. Пожалуй, он смог бы броситься в одно из боковых ответвлений? Вдруг они не увидят его? Но одновременно подобное выглядело бы как попытка к бегству, хотел бы он того или нет, если они найдут его. В качестве альтернативы он мог остаться, где стоял, и объяснить, что заблудился.

И ни один из этих двух вариантов его особо не прельщал. А голоса приближались.

Он не успел принять решение.

Почувствовал тряпку на лице уже слишком поздно, когда она оказалась прижатой к его рту, и хотел закричать, но понял, что у него уже нет ни воздуха, ни сил сделать это.

Человек, миновавший дверь после нее, не двигался так долго, что она уже засомневалась, там ли он еще.

Жанин стояла в узком проходе, прижавшись к стене. Дышала беззвучно, проклиная себя на чем свет стоит. Она позволила себе неосторожность. Все шло слишком хорошо пока, даже чересчур легко, и она уже посчитала себя умнее всех других, и в результате поплатилась за самонадеянность. Кто-то шел вслед за ней, и сейчас он стоял там снаружи и ждал.

Почему ничего не происходит?

Она уже начала убеждать себя, что ей послышалось. И она напрасно пряталась, что это уже паранойя и нервы, и ей надо выбраться из укрытия и вернуться в свою комнату, и уже через секунду поступила бы так, но услышала шаги снова.

Медленные. Пожалуй, крадущиеся?

Станный ритм.

Словно кто-то не спеша прогуливался.

Это было абсолютно нелогично. Здесь существовало две категории людей: одна состояла из охранников и персонала, а другая из нее самой. А шаги, которые она сейчас слыша-

ла, звучали так, словно принадлежали празднующемуся посетителю, или мыслителю, или кому-то, кто просто гулял сам по себе, а такой категории не существовало вовсе.

Только когда неизвестный оказался напротив прохода, где она стояла, Жанин поняла, что это не охранник. Он миновал ее прогулочным шагом, и она какое-то время не могла понять смысл увиденного, а потом до нее дошло, что подобное может означать только одно, и как раз тогда уже было слишком поздно что-то предпринимать.

Она услышала их первая.

А через мгновение и он тоже.

И резко остановился всего в паре метров впереди нее, прислушивался к тому же, что и она. К шуму вдалеке. Охранники поднимались.

Жанин колебалась. Вполне могла позволить им найти его. Пожалуй, это даже ее устраивало. Уводя его отсюда, они оставили бы пространство открытым для нее.

Пожалуй.

Но она не хотела.

Именно этого ждала.

Она рывком стащила с себя футболку.

Только бы он не закричал. Все требовалось сделать быстро и в полной тишине и не поранить его, иначе он стал бы бесполезным.

Даже если бы не футболка во рту, Вильям Сандберг все

равно ничего не сказал бы просто от удивления.

Молодой женщине, которая стояла, наклонившись над ним, было не более тридцати. С темными волосами, собранными на затылке в хвост, она из одежды имела на себе только черные в обтяжку брюки и никакой обуви. Ее хорошо тренированное тело хоть как-то прикрывал черный бюстгальтер спортивного фасона, сидевший так плотно, словно неведомый художник нарисовал его на ней.

Она приложила палец к губам и сверлила его взглядом, предостерегая от необдуманных действий, и крепко прижимала к себе, пока охранники прошли мимо, остановились у двери, которую они оба миновали совсем недавно, открыли ее своими ключами-шайбами и позволили ей с шумом за ними закрыться.

Они ждали затаив дыхание, пока жужжание замка прекратилось.

А потом она посмотрела ему прямо в глаза:

– Нам с тобой надо поговорить.

В Амстердаме еще вовсю цвели японские вишни, обильно посыпая тротуары и дороги розовыми лепестками, когда Жанин Шарлотта Хейнс впервые встретила с одетым в костюм мужчиной с бычьей шеей.

Была весна. Вполне тепло для прогулок и почти безветренно, хотя воздух оставался еще достаточно прохладным. И все обещало идеальный вечер.

По крайней мере, в качестве рабочей гипотезы. На самом же деле Жанин уже успела немного разозлиться, пусть часы показывали только четверть девятого вечера. Одета так хорошо, насколько ей позволял бюджет, она находилась на месте, в маленьком ресторане недалеко от своего дома, хотя столик был заказан на девять. Надеялась, что они успеют взять по бокалу вина в баре, посмотреть на людей и поупражняться в умении поддевать друг друга, что в конечном счете давно стало для них веселой дружеской игрой. Они так преуспели в ней, что прошли месяцы, прежде чем коллеги догадались о существовании между ними связи. Все думали, что они готовы поубивать друг друга, если только представится такая возможность.

Заказ был сделан на то же имя, как и всегда. И как обычно, она с трудом сдержала улыбку, называя его метрдотелю.

– Для кого заказан столик? – спросил он.

– Для Эмануэля Сфинкса, – ответила она.

Метрдотель внимательно посмотрел на нее. Он уловил вибрации в ее голосе, когда она пыталась подавить смех, но не мог понять причину. Пожалуй, она издевалась над ним. Но он отбросил эту мысль, и, прикрываясь, улыбнулся формальной универсальной улыбкой, решил не обращать внимания.

– У меня есть сообщение для вас, – сказал он взамен. А потом поискал в своей папке и прочитал вслух, прежде чем поднял на нее глаза: – Господин Сфинкс задержится на пятнадцать минут.

Он передал ей записку полным достоинства движением, словно речь шла о документе, который она хотела бы сохранить и приклеить в специальную книгу или повесить на стену вместе со старыми рождественскими открытками. Но разочарование уже засветилось у нее в глазах. Улыбка, которую он, пожалуй, все-таки подметил, исчезла, и Жанин выдавила из себя, что подождет в баре, а потом направилась в темноту ресторана.

И сейчас она сидела здесь. С мобильником в руке, изучая информацию в нем без особого энтузиазма, чтобы не выглядеть одинокой, и с наполовину опустошенным бокалом вина перед собой. С таким же успехом в нем мог быть беарнский соус. Она все равно не чувствовала вкус.

Эмануэль Сфинкс появился на свет год назад, и они смеялись как дети, хотя она не видела ничего забавного в этом

сейчас. Тогда Жанин и Альберт сидели на бесконечно скучном семинаре и тайком взяли по паре бокалов вина к обеду, и не напрасно. Вторая половина семинара получилась для них значительно веселее.

И даже если оставшееся от того тоскливого мероприятия воспоминание сводилось к тому, что они толкали друг к другу блокнот, хихикая, как дети, по поводу каждого придуманного ими вычурного имени или абсурдного буквенного сокращения, базировавшегося на словах докладчика, все равно со всех других точек зрения у них выдался полезный день. Жанин направилась вместе с Альбертом к нему домой, и, насколько помнила, они спали отдельно всего четыре ночи с тех пор.

Это произошло ровно год назад. И сегодня столько же исполнилось Эмануэлю Сфинксу. Юбилей Жанин и Альберта.

А он опаздывал. Чертовы европейцы.

Пятнадцать минут означали час, возможно, больше. Мобильный уже наскучил ей, она сложила салфетку перед собой хитрым способом и больше не знала, чем заняться. Она ненавидела сидеть одна в обстановке, предназначенной для компаний, пусть и не имела проблем в общении с самой собой. Единственно, она лучше делала бы это без посторонних.

Когда одетый в костюм мужчина опустился на высокий барный стул рядом с ней, ситуация не стала лучше.

Он был ее возраста. Явно хорошо тренированный – белая рубашка под твидовым пиджаком, небрежно расстегну-

тая вокруг впечатляюще накачанной шеи. И явно жаждал общения вопреки ее желанию.

– Здесь занято, – предупредила она.

– Я вижу, – ответил он, явно не собираясь обращать на ее реплику внимания. – Что это? Лебедь?

Он кивнул в сторону сложенного куска бумаги перед ней. Возможно, он что-то напоминал, но только не благородную птицу.

– Я вынуждена уточнить, – сказала она. – Я сидела здесь одна и хотела бы продолжать в том же духе.

– Нечего тарашиться на меня. Я же не мешал тебе.

Она среагировала, внимательно посмотрела на него. Он шутил или ей попался обычный нахал?

Его лицо было серьезным, непроницаемым, словно он действительно имел в виду то, что сказал. Но слабые искорки в глазах говорили сами за себя, по крайней мере, такому тренированному взгляду, как у нее. Подобное могло означать только одно. Он оценил ее иронию. Для него это была игра, и он перебросил мяч назад в такой же непринужденной манере, как и она, и сейчас пришла ее очередь.

– И поэтому ты явился и расселся здесь, – парировала она. – С единственной целью поведать мне, что я совсем не интересую тебя?

– Нет, черт побери. Обычно я приберегаю подобное для второго свидания.

Ему удалось довольно быстро привести ее в замешатель-

ство. Она подняла глаза на него с целью проверить, что он играет в ту же самую игру, а он явно ждал ее взгляда. Черт, тоже. И в то самое мгновение, когда их глаза встретились, Жанин поняла, что он победил.

И не ответила. И это разозлило ее. Плюс еще то, что она вышла из себя по такой причине.

– Роджер, – представился он и протянул ей открытую ладонь.

– Жанин, – сказала она и пожала его руку. У него были большие, сильные руки и британский акцент, который ей не удалось точнее идентифицировать. Ее раздражало, что она обратила внимание и на это тоже.

– И не поэтому, кстати. Просто ты оказалась единственной, кто разговаривал на понятном мне языке.

– Хорошо, если бы я могла сказать то же самое.

Сейчас пришла его очередь открыть рот от удивления. Он улыбнулся, неохотно, но широко, а она вернулась к своему бокалу и заработала себе очко, прекрасно понимая, что матч только начался.

Сорок четыре минуты спустя Жанин вышла в дамскую комнату и увидела себя в зеркале. Она испытывала огромное чувство вины. Она улыбалась. Улыбалась довольной, слегка пьяной улыбкой, и, хуже того, ее щеки горели румянцем. Ей было хорошо. Нет, весело. Она смеялась и удивлялась сама себе и где-то в глубине души ощущала определенный дискомфорт. Альберт должен был появиться в течение получаса

или немного позднее, а она стояла и глупо улыбалась веселому мужчине с горой мышц и британским акцентом и перебрасывалась с ним взглядами.

Жанин нетвердой рукой вытащила свой мобильник. Нашла номер Альберта. Открыла новое СМС.

«Я люблю тебя, – написала она. – Мы скоро увидимся».

Однако послание показалось ей слишком фальшивым. Только усилило чувство вины, и она стерла все и начала сначала.

«Я уже выпила два с половиной бокала белого вина. Если ты не придешь в течение четверти часа, сбегу с хорошо тренированным англичанином».

Так было лучше. Она отправила сообщение, бросила последний взгляд в зеркало, и решила не поправлять волосы (не сейчас, не для англичанина, позднее, пожалуй), и повернулась, собираясь вернуться в ресторан.

К ее удивлению, он стоял там. Маленький неохраемый гардероб перед туалетами был пуст, и множество мыслей успели пронестись у нее в голове. Пожалуй, он устал и хочет уйти домой, наверное, задумал забрать ее с собой. Скорее всего, попытается зажать среди курток в надежде, что она уступит его грубым ласкам в окружении ароматов весеннего вечера, еще хранимых тонкой верхней одеждой, только что появившейся с улицы.

Подобные перспективы, пусть даже чем-то привлекательные на уровне фантазий, в реальности несколько ее не ин-

тересовали, и, абсолютно уверенная в его намерениях, она повернула в сторону, пытаясь проскользнуть мимо него, и заспешила вдоль рядов мягких курток, но он сделал шаг навстречу ей, положил одну руку на плечи. У нее зачастил пульс, она мгновенно протрезвела, спросила себя, что происходит, и резко остановилась.

Удивленная.

Он чем-то уколол ее сзади в шею.

Жанин посмотрела ему в глаза. Он больше не улыбался. И как раз когда она нашла, что сказать, язык перестал ее слушаться.

Тридцать пять минут спустя стеклянные двери открылись, и молодой человек по имени Альберт ван Дийк подошел к метрдотелю и поинтересовался относительно женщины, которая спрашивала Эмануэля Сфинкса.

В тот момент ни Жанин, ни мужчины с бычьей шеей уже не было в Амстердаме.

Хорошо тренированный британец, называвший себя Роджером, сам не знал, почему забеспокоился. Но что-то ему не понравилось, и он подошел к тяжелой двери ее комнаты, постучал.

Уже мысленно сформулировав оправдание. Конечно, для них не было секретом, что за ними наблюдают, и он не должен был объяснять ей, почему хочет знать, чем она занима-

ется, но они получили приказ обращаться с гостями так, чтобы те не чувствовали себя пленниками, а это накладывало определенные ограничения.

Мартин Родригес (так его звали по-настоящему) прекрасно понимал, в чем дело. Организация целиком и полностью зависела от желания этих людей делать то, что от них требовалось. А если не обращаться с ними хорошо, они могли просто пойти в отказ. Или, хуже того, подкинуть неверный результат, предположив, что находятся в руках сил зла, а значит, любая попытка противодействия им только во благо.

Поэтому он и позаботился об оправдании. Вроде как услышал ее крик и постучал просто проверить, все ли в порядке.

Подождал.

Прошло полгода с тех пор, как они привезли ее. И порой он пытался убедить себя, что мужчина, которого она ждала тогда, был настоящей свиньей и он просто оказал ей услугу. Но тем самым откровенно лгал себе, будучи прекрасно осведомленным об этом. Они же исследовали все очень тщательно и прекрасно знали, кто она такая. Ее связывали с тем мужчиной до ужаса гармоничные отношения, а по-свински поступил именно он. Увез ее без объяснения причин, и вообще, какие бы проблемы ни угрожали миру, почему Жанин Шарлотта Хейнс должна была платить за них?

Но жизнь несправедлива, напомнил он себе.

И даже будучи всего лишь винтиком в большом механиз-

ме, он знал, что все его действия преследуют исключительно благую цель.

* * *

Когда Мартин Родригес открыл дверь сам, все эти мысли сразу же улетучились из его головы.

Комната оказалась пустой, пусть он и не видел, как она покидала ее.

Десять секунд спустя он по радиии передал сигнал тревоги, и сразу началось черт знает что, точно как он и предполагал.

Через несколько сотен метров Вильяму в лицо ударил вечерний воздух, прохладный и освежающий, словно он перевернул пуховую подушку душной и жаркой ночью. Был более поздний час, чем он думал. Уже стемнело. И он понятия не имел, что ждет его впереди.

Он следовал за молодой женщиной вниз по лестницам, по коридорам и по узким проходам, порой узнавая их по совместной прогулке с Коннорсом, но чаще всего и представить не мог, где они находятся, и слепо полагался на дамочку, шествовавшую перед ним, и на ее синюю шайбу, пропускавшую их через запертые массивные двери.

В конце концов женщина провела его вверх по крутой винтовой лестнице, и Вильям решил, что они поднимаются в какую-то башню. Но потом она открыла низкую дверь, и они

оказались на широкой каменной террасе, тянувшейся вдоль всей стены здания.

Вильям уже давно понял, что замок, где он находился, довольно большой, но только сейчас ему стало ясно, насколько гигантский он на самом деле. Фасад украшали эркеры, придавая строению более величественный вид, и он, наверное, достойно смотрелся на фоне альпийского пейзажа, среди которого находился и до которого, а значит, до свободы от того места, где они теперь стояли, казалось, было рукой подать.

Но на самом деле от нее и от земли их отделяло огромное расстояние, и Вильям подумал, что, если женщина задумала убить его, терраса просто замечательно подходит для такой цели. Физически он ничего не смог бы противопоставить ей. Она была хорошо тренированной и быстрой, тогда как у него отсутствовало и то и другое.

Но он отбросил эту мысль в сторону. Судя по всему, женщина спасла его от охранников и, скорее всего, являлась таким же пленником, как и он. Во всяком случае, все указывало именно на это.

– Меня зовут Жанин, – сказала она, когда остановилась. – Жанин Хейнс.

Женщина все еще тяжело дышала после пробежки по лестницам и коридорам, но ее голос звучал четко, и, судя по сосредоточенному взгляду, она хорошо контролировала себя.

– Я не знаю, сколько у нас времени. Не знаю, могут ли они

видеть и слышать нас, единственно мне известно, что мы с тобой не должны встречаться. И если они узнают, что мы были здесь... Я не знаю, как они поступят тогда, – сказала Жанин. Но ее голос ясно давал понять, что среди всех возможных вариантов не существовало ни одного хорошего.

– Кто они такие? – спросил Вильям.

– Я полагаю, они сказали одно и то же тебе и мне. Организация под эгидой ООН. Возможно, это правда, а может, и нет. Это не важно. Важно, что они лгали мне и будут лгать тебе тоже и что нам надо выбираться отсюда.

Вильям посмотрел на нее:

– Лгать о чем?

– Ты видел тексты, не так ли?

Он колебался.

– Старый ключ? Это же ты нашла его?

Прошло мгновение, прежде чем Жанин поняла, что он имеет в виду. Но покачала головой:

– Я ничего не знаю о шифрах. Это не я.

– Кто ты тогда? Почему ты здесь?

– Вплоть до семнадцатого апреля я занималась научно-исследовательской работой в области археологии и училась в докторантуре университета Амстердама.

Вот черт. Вильям перехватил ее взгляд.

– Клинопись, – сказал он.

– Значит, ты видел тексты.

Это звучало как вопрос, но было констатацией факта.

Точно как и его предыдущая реплика.

– Они сделали все, чтобы я не смогла понять, – сказала она. – Я получила их в неправильном порядке. Вдобавок в комплексе с посторонними текстами. И никто не сказал, о чем идет речь, и я была не в состоянии думать, не знала даже, где нахожусь, или почему, или...

Жанин повысила голос, замолчала, когда поняла это, и огляделась. Никаких звуков, кроме шума природы. Они не могли слышать их.

– Как долго ты находишься здесь? – спросил он.

Она колебалась. Не знала, есть ли у них время. Но кивнула, изложила ему короткую версию. Она начала публиковать свои статьи еще будучи студенткой в Сиэтле. Получала стипендии за работы по древним письменностям. Переехала в Амстердам, чтобы заниматься научной работой, ради жизни, которую любила, с кошкой и балконом с литой решеткой и с видом на маленькую площадь, а потом все стало черным, когда она, однажды проснувшись, оказалась здесь. С тех пор прошло уже семь месяцев.

– А ты? – спросила она.

Вильям кивнул.

– Та же история, – сказал он. За исключением того, что он не любил свою жизнь, естественно, плюс у него была аллергия на кошек. Но он предпочел не распространяться об этом сейчас.

– Я слышала, как тебя привезли, – сообщила она. – Слы-

шала вертолет. Знала, что прибудет кто-то новый.

— В каком смысле новый?

Жанин попыталась найти нужную формулировку. Но это было слишком сложно, и она не знала, как ей начать и сколько времени в их распоряжении. Покачала головой, постаралась привести в порядок мысли. Разговор мог пойти в ненужном направлении, а чтобы успеть рассказать все, известное ей, требовалось зайти с правильной стороны.

Но Вильям сам нарушил молчание. Уточнил свой вопрос:

— Почему я здесь?

И она посмотрела ему в глаза. Посчитала, что легче ответить.

— Просто той, которая была здесь до тебя, больше нет.

Охранник, до этого дремавший стоя перед дверью рабочей комнаты Вильяма, сейчас выглядел бодрым как никогда. Он бегал по коридорам и заглядывал в каждый проход, попадавшийся ему на пути, но Вильям как сквозь землю провалился.

И он ничего не понимал. Прошло всего несколько минут с тех пор, как он получил сигнал об исчезновении девчонки, смазливой американской ученой, и только успел позлорадствовать по поводу прокола Родригеса и подумать о том, как все могло произойти.

А сейчас сам носился как заведенный и понимал еще меньше. Судя по всему, старый пень тоже исчез. Выбрался

наружу через запертые двери, прошел без кодового ключа, и даже сигнализация не сработала, а он знал, что это невозможно, но все равно случилось. Охранник громко выругался и продолжил забег по всем закоулкам, которые уже посещал, по-прежнему лелея надежду, что ему не придется рапортовать о пропаже и его объекта тоже.

Когда Франкен вызвал его по радиии и спросил, где находится Сандберг, он подумал, что у него больше нет выбора.

На несколько этажей ниже, под землей, Эвелин Кейс уже начала отсматривать материал согласно правилам, в создании которых ее самой пришлось принимать участие.

На стене перед ней установленные в ряд телевизионные экраны показывали картинки с камер наблюдения, и, прогоняя записанный с них материал в ускоренном режиме, она пыталась отыскать малейшие признаки постороннего движения.

Хотя уже знала, что не найдет ничего. Они располагали слишком малым числом камер, да и те стояли совсем в других частях замка. Она была очень зла и имела на то полное право. Все же прекрасно представляли, что система безопасности практически не работает, когда навязали ей командование ею.

Она твердила об этом снова и снова, но ничего не менялось. Она предупреждала о катастрофе задолго до того, как произошла первая, и все равно они ничего не сделали. А сей-

час снова наступили на те же грабли, и все только бежали и удивлялись, как такое вообще могло случиться.

Да элементарно, они ведь не заткнули дыры.

Это могло случиться, поскольку здание не было предназначено для того, что происходило в нем в последние годы, опять же данная система устанавливалась не для наблюдения за пленниками, а с целью предотвратить проникновение в замок незваных гостей снаружи.

Также это могло случиться, поскольку ни один дьявол не хотел вкладывать деньги в безопасность. Как будто их по-прежнему берегли для чего-то другого.

– Скажи, что ты видишь, – буркнул Франкен за ее спиной.

Он произнес это настолько быстро, что слова, казалось, состояли из одних согласных, машинально вцепился руками в спинку ее стула и переводил взгляд с экрана на экран в надежде, что Кейс знала то, чего он сам видеть не мог.

Но она не сказала ничего. Только смерила его холодным взглядом и кивнула в направлении экранов. Он понимал проблему столь же хорошо, как и она.

На верхних этажах охранники бежали по всем коридорам с целью убедиться, что Хейнс и Сандберг каким-то волшебным образом не оказались в их секторах. И все равно только в отдельных случаях Эвелин и Франкен могли видеть кого-то на экранах перед ними. Им требовалось перекрыть пространство в тысячи квадратных метров, и всего-то несколько камер делало это. Вероятность увидеть что-либо

с их помощью приближалась к нулю.

– Они в любом случае не выйдут наружу, – сказал он.

И увидел ее взгляд.

– Мы сделали определенные усовершенствования с тех пор.

Эвелин не ответила, и он знал почему. Она была права. Им требовалось усилить меры безопасности. Но когда? Время уже работало против них. Как они могли отдать приоритет чему-то, не двигающему проект вперед?

Им оставалось только надеяться, что катастрофа не разразится до того, как охранники найдут беглецов. Где-то ведь они находились, и в любом случае уж точно не могли выбраться наружу. Но все равно он слышал в своих наушниках только потрескивание, и охранники рапортовали один за другим, что их сектор пуст. И ни одна из запертых дверей не стояла открытой. Их гостей нигде не было. И, судя по всему, они превратились в дым.

Франкен размышлял.

Он не хотел быть фаталистом.

Знал, что по всем признакам крах неизбежен, но отказывался это принять. Где-то они явно дали промашку, ведь существовал какой-то способ все поправить, не следовало опускать руки даже в такой ситуации.

Ведь если он изначально ошибся, не стоило все и затевать. Но он не успел додумать свою мысль до конца.

– Франкен?

Он открыл глаза. Перед ним сидела Кейс и смотрела на него с удивившей его энергией.

– Дженифер Уоткинс, – сказала она.

Он не понял. Она кивнула на экран компьютера перед собой. На нем красовалась бесконечная вертикальная таблица, цифры и время и еще несколько цифр, и понадобилось несколько секунд, прежде чем он понял, что видит.

Данные по проходам. Какие электронные ключи открывали какие двери и когда.

– При чем здесь с Дженифер Уоткинс? – спросил он, опасаясь, что уже знает ответ.

– Она двигается.

Во всех закутках по всему замку охранники слышали слова Эвелин Кейс в своих наушниках. Они остановились и обратились в слух. Ждали реакцию Франкена.

На мгновение воцарилась тишина. Потом она растянулась еще на мгновение.

– Что значит двигается? – спросил он наконец. Спокойно. Владея собой.

– Она прошла через семь дверей только сегодня.

Это был ответ Кейс, и на своем этаже Родригес сразу же понял, о чем идет речь. Но ничего не сказал, стоял молча, ждал слов Франкена. Он знал, что будет.

– Черт побери, – выругался тот по рации.

Продолжения не последовало. Но Родригес уже достал

свое оружие из кобуры. Он командовал охранниками, и именно от него требовалось сейчас взять инициативу на себя. Он плотнее прижал наушник к уху.

– Какую дверь она прошла последней?

* * *

Жанин Шарлотта Хейнс работала за каменными стенами замка уже несколько недель, когда встретила с Дженифер Уоткинс в первый раз.

Недели получились крутые. И Жанин сломалась. Она перестала есть, не справлялась с работой, и в результате руководство решило приставить к ней Уоткинс в качестве моральной поддержки и помощи.

И это сработало, пусть и не сразу. Но Дженифер оказалась хорошим слушателем и имела в своем багаже более двадцати лет жизненного опыта. Уоткинс смогла разговорить Жанин, и, даже если не имела права сказать ей, почему они находятся здесь и чем точно занимаются, Жанин постепенно удалось снова отыскать смысл своего существования.

Сейчас она посмотрела на Вильяма.

– Только спустя много времени я поняла, что Уоткинс была одной из них, – сказала она. – А не пленницей, как я. Она знала много такого, о чем не хотела рассказывать или, возможно, не могла, откуда мне знать. Но я нуждалась в ней. Она стала частью моего бытия, и в конце концов я просто

уступала и переставала задавать вопросы, когда она просила меня об этом. Мы стали друзьями. Не равноправными, конечно. Но друзьями.

Потом Жанин надолго замолчала. Вопрос висел в воздухе, но она ждала, когда Вильям сам задаст его.

– Что случилось?

– Она боялась, – сказала Жанин, посмотрела на Вильяма. – Она пришла ко мне в комнату среди ночи. Или, точнее, стояла снаружи. Мне нельзя впустить ее, сказала она, и мы остались каждая со своей стороны двери, и она предупредила меня, и...

Жанин прервалась, покачала головой. Не было смысла рассказывать все, особенно принимая в расчет, как мало она понимала сама.

– А потом Уоткинс исчезла. Через неделю.

– И сейчас я здесь, чтобы заменить ее?

– Она была математиком. Работала с шифрами.

Жанин сказала это прямо и просто и ждала его реакцию.

И Вильям кивнул. Ты права, означало это. Он здесь на замену ей.

Вильям почувствовал, как силы частично покинули его. Пожалуй, целая очередь стояла за его спиной, и, наверное, они были готовы заменить его тоже, если он не справится с тем, что им требовалось от него.

– Что им надо? – спросил он наконец.

– Я не в курсе. Сначала я знала только про клинописный

текст. И думала, это, наверное, историческая находка, археологическая сенсация, нечто, способное перевернуть всю историю человечества, то, что стоило прятать и держать в секрете, я не знаю. — Она пожала плечами. — И дело, пожалуй, не в том, что Дженифер оказалась слишком близко ко мне, просто мне в конечном счете удалось к двум прибавить два. Откуда мне знать. Но наверное, именно этого она и хотела.

— Что ты поняла?

Пауза. Она засунула руку в тонкий карман у себя на бедре, достала оттуда свернутый листок бумаги, развернула, протянула ему.

Вильям взглянул на него. Он был заполнен клинописью.

— Мне жаль, — успел он сказать. — Это мне ничего не говорит.

Когда она перевела дух, было слишком поздно, чтобы успеть ответить.

Пожалуй, темнота заставила их почувствовать себя в безопасности. Вероятно, злую шутку сыграла возможность разговаривать с кем-то, стоять напротив другого человека, мучимого теми же вопросами и тем же беспокойством, и давать свободу мыслям, которые постоянно крутились в голове и давили на мозг, если не находили выхода.

Или просто-напросто охранники двигались вверх по узкой каменной лестнице в полной тишине, абсолютно неслышимые за толстой дверью, находившейся позади них.

Вильям и Жанин все еще стояли на террасе, невидимые со стороны двери, когда шум открывающегося замка нарушил тишину вдалеке.

– Ты боишься высоты? – спросила она и не стала дожидаться ответа.

Прежде чем Вильям успел среагировать, взяла его за руку, потянув за собой подальше от двери, мимо изгибов стены и всевозможных выступов с внешней стороны фасада, и Вильям последовал за ней, беспокоясь о том, что терраса в конце концов закончится и сделает ее вопрос актуальным. Босые ноги Жанин касались каменного пола почти беззвучно, и Вильям пытался двигаться в одном ритме с ней и шагать так, чтобы каблуки производили как можно меньше шума, а совсем рядом с ними тянулась пропасть, остававшаяся столь же ужасающе глубокой, сколь бы долго они ни бежали.

Потом она резко остановилась. Строго посмотрела ему прямо в глаза.

– Двумя этажами ниже находится окно. Смотри на меня и делай точно как я.

Секунду спустя Жанин перемахнула через край.

Вильям успел подумать, что сейчас она умрет.

Но ничего подобного не случилось.

Она не впервые спускалась этим путем, понял он. Не единожды искала, на что может встать или где держаться, дотягивалась до выступов и выбоин в стене, училась с их помощью спускаться до узкого карниза, который этажом ниже

шел вдоль фасада. Там она остановилась на полпути к указанному окну.

Кивнула ему: твоя очередь.

Сначала Вильям понял, что все еще не ответил на ее вопрос и что ее особенно и не интересовал его ответ.

В противном случае он сказал бы «да». Как бы ни велико было его желание покончить с собой, он не испытывал особой радости от перспективы свалиться в бездну.

Одновременно он слышал приближавшийся топот ног по полу террасы.

А увидев лучи фонарей охранников, шарящие по камням у выступа, который они только-только миновали, решил, что высота в любом случае не так опасна.

Вильям шагнул в окно двумя этажами ниже, и уровень адреналина в его крови был настолько велик, что, даже свалившись вниз, он наверняка не заметил бы этого.

Ведь его тело полностью приготовилось к смерти.

Он попытался запомнить те немногочисленные перемещения, при помощи которых Жанин добралась до карниза. В ее исполнении все это выглядело совсем просто, но Вильяму не приходилось видеть полосу препятствий уже несколько десятилетий, и карабкање по стене не становилось проще ни от осознания опасности, подстерегавшей далеко внизу, ни от шума охранников, приближавшихся наверху по террасе. Несколько раз он терял захват, потные руки выскальзывали из неглубоких щелей между камнями, но в последнюю секунду ему все-таки удалось за что-то зацепиться, и он оказался на узком выступе рядом с Жанин.

Теперь им осталось спуститься под карниз, и это оказалось более трудным делом. И даже если сейчас они имели то преимущество, что их не могли видеть сверху, им уже негде было опереться снизу, и там их ждала только вертикальная стена и увеличившаяся опасность сорваться в бездну.

Однако времени на сомнения у них не было.

Жанин продолжила путь вниз, дала ему сигнал идти следом за ней, и он, дрожа от возбуждения (а может, и страха),

сделал, как она сказала. Заставил пальцы искать малейшие впадины и трещины, на которые она показывала ему. Было холодно, но его рубашка насквозь промокла от пота, и каждый раз, отпуская захват и вынуждая тело парить в подвешенном состоянии, пока рука или нога не находили новое временное спасение, он в душе давал самые разные обещания всем земным и небесным силам принять любые кары и измениться к лучшему, лишь бы ему удалось спуститься целым и невредимым.

Когда Вильям наконец увидел протянутую ему руку Жанин, он сразу схватился за нее и позволил ей втянуть его в каменную нишу, где она сидела скрючившись. А потом он довольно долго сам сидел неподвижно рядом с ней, словно любое движение все еще могло привести его к падению в черную пустоту.

Она посмотрела на него и не смогла сдержать улыбку.

– Живя в Неваде, я занималась скалолазанием и даже принимала участие в соревнованиях. Я говорила об этом?

– Пошли внутрь, – сказал он просто.

Жанин дружелюбно взяла его за плечо. Мы справимся – означал этот жест.

– Бумага, которую я дала, у тебя?

Он с трудом заставил себя пошевелиться, направил руку к карману брюк, чтобы вернуть скомканный листок с клинописью. Жанин взяла его, просунула в щель в окне и открыла тонкий крючок с его внутренней стороны.

А секунду спустя они шагнули в длинный холл и опустили ноги на холодный, покрытый листовым железом пол. И в то время как Жанин закрывала окно за ними, догоняла его и показывала в сторону освещенного прохода, он успел мысленно пробежаться по опрометчивым обещаниям, данным несколько минут назад, и с надеждой подумал, что, возможно, ему удастся выполнить их когда-то в будущем.

Коридор, по которому они сейчас торопливо двигались вперед, отличался от тех, где он побывал ранее.

Вильям явно уже запутался, даже не мог решить, выше или ниже своего этажа находится, но у него не вызывало сомнения, что эта часть здания используется для каких-то других целей. Люминесцентные светильники на потолке и металлическое покрытие на полу, с обеих сторон в холл выходили большие обшарпанные двери из покрашенных зеленой краской стальных листов, и в определенном смысле он мог сейчас находиться где угодно во всем мире, слишком уж многие помещения определенного типа выглядели так двадцать-пятьдесят лет назад.

Однако не вызывало никакого сомнения, что Жанин уже бывала здесь раньше.

Она шла быстрым шагом к ей одной известной цели, и он не мог не восхититься ее знанием местной географии. Каким-то образом ей удалось раздобыть электронный ключ (надо не забыть спросить ее об этом, подумал он), и она явно поставила перед собой такую же задачу, как и он: посте-

пенно хорошо изучить замок, найти слабости и недостатки в его системе безопасности, а потом попытаться выбраться отсюда.

Но сейчас реализация ее замысла висела на волоске. Сработал сигнал тревоги. Охранники шли за ними по пятам, и вряд ли стоило сомневаться, что при любом варианте развития событий, если они доберутся до них (*когда* доберутся до них, поправил он себя), у них уже не останется шансов пойти на второй круг.

В конце коридора путь им преградила современная железная дверь, перерезавшая поперек старый каменный коридор, и снова с электронным замком, чей датчик находился по соседству.

Но на этот раз красный светодиод отказался уступать место зеленому, когда Жанин прижала шайбу к приемному устройству, как много раз ранее на пути к террасе. Реакцией стал только протестующий щелчок. Как бы с сожалением сообщивший о наличии проблемы.

Она попробовала снова. То же самое. И снова. А когда она повернулась к Вильяму, он увидел ужас в ее глазах.

Внизу, в подвале Кейс чуть не пропустила помеченные красным цветом строчки, перемещавшиеся на экране компьютера перед ней.

Она приказала программе предупредить, как только ключ Уоткинс прикоснется к какому-нибудь замку, и, когда Жа-

нин попыталась открыть дверь в коридоре, время, как обычно, высветилось на мониторе красным цветом и замигало, привлекая к себе внимание.

Но Кейс была увлечена бурной дискуссией с Франкеном. Она не смогла больше сдерживаться.

Повторила давно известное всем, просто посетовала на нехватку камер, и все равно Франкен прорычал в ответ, что вряд ли стоило обсуждать подобные проблемы именно сейчас. А потом их обоих как прорвало, и они выплеснули друг на друга свое недовольство по поводу камер и всего другого, что не работало.

И как раз тогда строчки о действиях Жанин побежали по экрану.

Шаг за шагом, все ниже по списку в такт с тем, как информация о других замках и ключах отпирала их сверху.

Только когда до их исчезновения осталась какая-то секунда, Кейс повернулась и увидела красные строчки в самом низу. И внезапно ссора закончилась.

В качестве первой меры она предупредила охранников.

И только секунду спустя поняла, через какую дверь беглянка попыталась пройти.

И когда во второй раз связалась с охраной, слишком явные нотки ужаса пробивались в ее голосе.

Когда первые звуки бегущих ног эхом отдались с другой стороны железной двери, невозможно было решить, как далеко они находятся. Единственное не вызывало сомнения: они принадлежали не одному человеку, и у Вильяма и Жанин осталось всего несколько секунд, прежде чем они окажутся лицом к лицу с теми же самыми охранниками, встречи с которыми им совсем недавно удалось избежать с огромным риском для жизни.

Они находились в запертом коридоре. За углом с другой его стороны пара дверей вела в маленькие лишенные окон комнаты, похожие как две капли воды. Пожалуй, старые склады, или тюремные камеры, или какие-то служебные помещения. В любом случае они представляли собой тупик, и не впервые побывавшая здесь Жанин прекрасно знала, что от них им не будет пользы.

Позади них находилось окно, путь назад в пустоту. А перед ними стальная дверь, отказывавшаяся пропускать их вперед. Ситуация выглядела безвыходной.

Вильям огляделся. Из трех плохих вариантов требовалось выбрать наилучший.

– Что в комнатах? – спросил он.

– Ничего, – сказала она.

– Можно их запереть изнутри?

На это она не смогла ответить.

Вильям не знал, на что надеялся, но они не могли просто оставаться на месте. Он схватил Жанин за руку, потянул дальше от запертой двери, быстрым шагом направился к железным дверям в холле.

Страх почти парализовал ее сейчас, топот ботинок приближался снаружи, и Жанин позволила ему взять командование на себя, вести ее, а сама тем временем не сводила со светодиодов взгляд. Скоро должен был загореться зеленый, охранники найдут их, и все ее завоевания последних месяцев оказались бы тогда потерянными.

Она выглядела уже примирившейся с судьбой, когда Вильям открыл первую дверь.

Втолкнул ее в комнату.

И в то самое мгновение, когда дверь закрылась за ними, светодиод поменял цвет.

* * *

Когда Вильям позднее спрашивал себя, что, собственно, он надеялся найти с внутренней стороны, у него не было ответа. Пожалуй, он ни о чем особенно не задумывался. Но скорее всего, даже если какие-то мысли и крутились в его голове, они сразу поблекли в тени того, что случилось на самом деле.

Только толстое плексигласовое стекло помешало женщи-

не схватиться за них.

Невидимым препятствием оно остановило ее руку на половине движения с таким шумом, что Вильям и Жанин отпрянули в сторону, развернулись и встретились с ее глазами, смотревшими на них с другой стороны прозрачных в сантиметр толщиной стен.

Ей могло быть за пятьдесят, но и гораздо меньше, это трудно было понять при мысли о том, в каком состоянии она находилась. Ее светло-серую кожу покрывали капельки пота, глаза были полузакрыты, но она явно прилагала максимум усилий, чтобы остаться в сознании, волосы слиплись у нее на лбу во влажную тонкую веревку.

Она лежала как бы в гробу из оргстекла, кувезе для взрослых посередине маленькой комнаты, освещенной тонкими и короткими люминесцентными лампами, словно кто-то положил ее спать в забытом террариуме.

Ее рука еще оставалась около стекла. Она едва дышала.

Но потом сила тяжести победила, и ее тонкие пальцы вернулись на матрас. Красный след на стекле остался единственным свидетельством ее попытки контакта, показывая, как рука скользила назад в положение, где она до этого безжизненно покоилась на пропитанной потом и испачканной кровавыми пятнами простыне.

– Дженифер.

Это сказала Жанин. Практически прошептала, но все равно в крошечной тишине ее реплика прозвучала столь же

громко, как и удар по стеклу несколько секунд назад, и Вильям повернулся и посмотрел на Жанин. Она стояла, приклеившись взглядом к аквариуму перед ними. Но не произнесла больше ни слова. Только покачала головой, будто отказывалась верить тому, что видела.

И тишина жутко затянулась, пока женщина, которую по-прежнему звали Дженифер, но которой явно не долго оставалось носить это имя, не заставила себя повернуть голову и не встретилась глазами с Жанин.

– Беги, – сказала она, что стоило ей огромного напряжения. Она практически не говорила. Просто шевелила губами и выдохнула единственное слово с огромным трудом.

– Что они сделали с тобой?

Женщина закрыла глаза. Ей осталось немного.

– Беги, – сказала она снова, а потом: – Сейчас.

Она произнесла это с опущенными веками. Не шевелясь.

– Дженифер? – позвала Жанин. Но не последовало никакого ответа. – Дженифер!

Ничего не случилось.

Дженифер не открыла глаза.

Даже когда Жанин принялась стучать по стеклу, все громче и громче. И даже когда она стиснула зубы, чтобы не разрыдаться, и отвернулась, только бы не видеть больше ненавистного стекла.

И даже секунду спустя, когда дверь в коридор открылась от удара. Щепки от ее коробки закружились вокруг них, и

они оказались в окружении восьми мужчин, старавшихся держаться от пленников на приличном расстоянии. Все в белых респираторах и в одноразовых перчатках, они сжимали автоматы и кричали, приказывая им стоять абсолютно неподвижно.

Бегство закончилось.

Вильям и Жанин точно выполнили приказ. Сделали, как им сказали. Не двигались, в то время как brave парни осыпали их вопросами. Где они были? Какими путями шли? Что видели и трогали? И все это встревоженными, немного испуганными голосами. И каждый раз, когда они начинали шевелиться или смотрели друг на друга, стволы автоматов поднимались в их сторону и напоминали им, что малейшая попытка сопротивления закончится очень плохо.

Потом наконец охранники попятились из комнаты, по-прежнему направляя оружие на двух пленников. Держа все ту же дистанцию. Кивками приказали им выйти наружу и идти по коридору назад, в том же направлении, откуда они пришли.

И они беспрекословно сделали то, что им сказали.

Оставили комнату.

И медленно начали удаляться от нее.

Тяжелая дверь с разбитой коробкой с шумом закрылась за ними.

А женщина в стеклянном саркофаге, которую звали Дже-нифер Уоткинс, давно перестала дышать.

Если бы Франкен сфокусировал взгляд, он увидел бы свое лицо, отражавшееся в стекле перед ним. Увидел бы беспокойство в собственном взгляде, морщины вокруг рта, всегда становившиеся глубже, как только новые волнения обрушивались на него: борозды, расходящиеся в стороны по уже покрытому трещинами пейзажу, под прямым углом от его плотно сжатых губ.

Но у Франкена хватало о чем думать помимо собственной внешности. И он сконцентрировался на гораздо большем расстоянии, по другую сторону защитного стекла, в большой даже чересчур хорошо освещенной комнате.

Прозрачная перегородка была больше сантиметра толщиной, далее шло пространство с абсолютным вакуумом, а после него еще одна перегородка из такого же толстого особо прочного стекла, как и первая. Сделанные таким образом окна могли противостоять чему угодно. При их изготовлении использовали то же самое кварцевое стекло, что и в космических челноках, а все перемещения происходили через атмосферный шлюз, также специально заказанный у одного из поставщиков НАСА. И все равно, подумал он, им не удалось сохранить все внутри.

Его взгляд скользнул по длинным рядам коек. Но он не стал считать количество тел в различных стадиях на пути к

мучительной смерти. Не пытался определить, сколько еще живы, а сколько находятся на грани.

Он же спасал их, уговаривал Франкен самого себя.

Большинство ведь получили более сносную жизнь, тепло, и еду, и защищенность, и интеллектуальный стимул, тогда как многие из них уже давно умерли бы, если бы не лежали здесь. То, через что они проходили, стало ценой, которую они сами выбрали заплатить. Пожалуй, не зная о последствиях. Во всяком случае, не зная полностью, но выбор ведь оставался за ними. И в то время как его глаза продолжали странствовать меж запятнанных кровью простыней, Франкен избавился от появившегося неприятного чувства с помощью обычной для него убежденности. Или, по крайней мере, в привычной манере попытался достичь ее, чтобы заглушить угрызения совести.

Использовал обычное оправдание.

Когда надо спасать мир, приходится жертвовать отдельными индивидуумами.

Это была его мантра, и он поступил как всегда: повторял ее про себя, пока сам не поверил в это.

В конце концов взгляд Франкена закончил свое странствование. Молодая женщина, медленно двигавшаяся между кроватей там, по другую сторону стекла, почувствовала его на себе и посмотрела в сторону генерала из-за запотевшей пластиковой защиты лица. Она была одета в толстый полностью герметичный наряд из специальной белой, синтетиче-

ской ткани, под которую был закачан воздух под избыточным давлением, чтобы в случае отверстия или другого повреждения в нем он устремился наружу (а не наоборот) и дал ей хоть какой-то шанс выбраться, пока еще не будет слишком поздно. Ее глаза были пустыми, почти бесчувственными, но Франкен знал, что у него они такие же. Это был единственный способ выдержать.

Она остановилась около одной из кроватей по другую сторону защитной перегородки. Простыни были чистыми. У человека, лежавшего под ними и спавшего под действием препаратов на спине, щетина только-только начала проявляться на лице. С большого расстояния он все еще выглядел здоровым. И Франкен в душе надеялся, что все так и обстоит.

Не ради мужчины. Не ради себя самого.

А ради всех других.

Женщина немного задержалась у его кровати. Сделала то обычное, что и у всех иных, мимо кого она проходила. Сняла показания с аппарата, стоявшего по соседству. Сердечный ритм, температуру, насыщенность крови кислородом. Подняла покрывало, осмотрела тело. Ощупала кожу в поисках характерных изменений. А Франкен ждал. Дал ей необходимое время.

В конце концов она посмотрела на него снова.

И как только их глаза встретились, надежда сразу оставила генерала.

Охранники, стоявшие в другом конце коридора, имели защиту глаз и дыхательных путей, а также куртки и брюки из шуршащего пластика, тщательно зашнурованные на каждом стыке. На руках у них были резиновые перчатки, но все равно они избегали прикасаться к ним, гнали Жанин и Вильяма вперед при помощи слов и жестов.

Они миновали атмосферный шлюз и оказались в холодной до ужаса комнате.

Люминесцентные лампы на потолке. Стены и пол покрыты железными листами.

Это могла быть бойня. Или морг. Проложенные в полу желоба сходились вместе в одном углу и заканчивались в сливном отверстии. И из всего прочего там находилась только система, напоминавшая спринклерную, где пара труб спускалась к кранам на одной из стен.

Вильям слышал, как Жанин дышит рядом, и посмотрел на нее. Она приклеилась взглядом к стене напротив них. Таращилась на нее пустыми глазами, дрожала от нервного возбуждения, но старалась удержать эмоции при себе.

Только сейчас Вильям понял, насколько она напугана.

В отличие от него ее никогда не готовили к подобным ситуациям. Ей не приходилось проходить тренировки, где отработывалось поведение при допросах, в заключении или в критических ситуациях, и сейчас она не знала ничего о том, чего им ждать.

Он хотел что-нибудь сказать ей. Но никакие слова сейчас

не помогли бы, и им оставалось только следовать за охранниками, стараться не перечить им, ждать и смотреть, что случится. И Вильям последовал примеру Жанин и сжал зубы.

Они получили приказ остановиться посередине комнаты и сделали это.

Ждали. Слышали, как мужчины, стоявшие за их спинами, отошли назад и встали на большом расстоянии вдоль стен. А потом им сказали раздеться.

Рядом с ним стояла Жанин, которой и без этого было ужасно холодно. Она колебалась. И Вильям начал первым.

Он расстегнул свою одежду, стащил ее, бросил прямо на пол, и в конце концов Жанин последовала его примеру, пока они не остались нагими рядом друг с другом, с взглядами, направленными прямо вперед, чтобы не делать ситуацию еще более неприятной, чем она уже была.

Потом им приказали подойти к стене. Положить руки на нее, стоя спиной к мужчинам. Послышался звук волочения шланга по полу.

– Закройте рот и глаза и постарайтесь не дышать, – сказал кто-то, а потом их спины взорвались от боли.

Струя, ударившая по ним, была по-настоящему горячей, а напор столь сильным, что Вильям с трудом удерживал равновесие, и колющая боль расползалась по телу по мере того, как жидкость попадала на них и стекала на пол.

Жидкость, поскольку это была не вода. Она пахла алкоголем и хлоркой, и, пожалуй, йодом, и чем-то еще, но, о чем

бы ни шла речь, концентрация была неслыханно высокой. И только когда струя опустилась вниз на его ноги, Вильям осмелился дышать, чуть приоткрыть глаза и увидел, как дезинфицирующее средство течет по его икрам. Его ручейки закручивались в водовороты у подошв, пробегали мимо меньших по размеру, но более мускулистых ступней Жанин, а потом устремлялись дальше, пока не исчезали под слоем вонючей пены, плотной и непроницаемо белой, с коричневыми полосками йода по краям, которая в неистовом хороводе кружилась вокруг сливного отверстия.

Затем им приказали повернуться. Когда струя снова поднялась вверх и жгучая боль распространилась по грудной клетке, он с такой силой сомкнул веки, что даже задумался, сможет ли открыть глаза снова.

Все это продолжалось приблизительно минуту, а когда наконец прекратилось, им приказали перейти в следующую комнату.

Они шли один за другим. Сначала Жанин, Вильям позади нее, и он не смог удержаться и обратил внимание на ее спину, темно-красную от дезинфицирующего средства, но хорошо тренированную, с прилично развитой мускулатурой, но спохватился и заставил себя сфокусировать взгляд перед ней, далеко впереди, уже в глубине комнаты, куда они направлялись. Ему пришло в голову, что если Жанин находилась здесь уже семь месяцев, то, наверное, продолжала тренироваться и после приезда сюда, и его заинтересовало, занима-

лась ли он этим тайком в своей комнате, или организацию, в плену которой они находились, подобное по какой-то причине устраивало.

Комната, куда они вошли, выглядела не более приветливо, чем предыдущая. Ее стены были покрыты кафелем, а на потолке вдоль одной длинной стены висели трубы, заканчивавшиеся большими душевыми насадками. Каждый душ окружал шатер из толстой прозрачной пластиковой пленки, с крышей и полом из того же материала. Он закрывался на молнию с передней стороны, и в нем вполне хватало места для одного человека.

Они оказались каждый в своем шатре. Им приказали вымыться с помощью средства, находившегося в емкостях с внутренней стороны шатра. Волосы, все складки на коже и даже те части тела, которые географически были расположены таким образом, что до них невозможно дотянуться. Мягкая пена слегка сглаживала ощущения. Но обожженная кожа уже стала настолько чувствительной, что требовались дни для возвращения ее в нормальное состояние, и любая капля воды, падавшая из душа, колола, как грифель остро заточенного карандаша. Чем бы их сейчас не опрыскивали, он не сомневался, что у Союза по борьбе с астмой и аллергией нашлась бы пара возражений.

Вильям смыл с себя остатки пены и продолжал стоять под потоками воды, заставляя их омыwać его снова и снова, словно не осмеливался поверить, что опасность уже позади.

Он никак не мог забыть женщину в стеклянном ящике.
С чем они соприкоснулись?

Сибирская язва? Лихорадка Эбола?

И что Жанин хотела рассказать, но не успела?

Он бросил взгляд в ее сторону.

И сразу обнаружил, что она смотрит на него. И сначала хотел отвернуться, с невинной миной отвести глаза к стене, словно кафель оказался ужасно интересным, к его удивлению.

Но ее взгляд привлек его внимание. То, как она смотрела на него. Все ее нагое тело было повернуто к стене перед ней, как бы в знак того, что оно занято мытьем и ничем другим, но глаза искали его глаза, целенаправленно, исподтишка, с такой силой, что ему стало интересно, как долго она стояла так, если сознательно пыталась заставить его почувствовать призыв, посмотреть на нее.

Так, наверное, все и было. Она стояла долго. Не спуская с него взгляда, старалась что-то ему сказать.

Он посмотрел на нее.

Незаметно, в то время как его тело продолжало принимать душ. Жанин делала то же самое. Наклонив голову, чтобы охранники не видели ее лица. Но красноречивее слов говорили ее глаза.

Стена.

Похоже, именно это она пыталась сказать.

Стена перед ней.

Вильям посмотрел на кафель, не зная, что она имела в виду. Но увидел только его. И еще вертикальную трубу и больше ничего.

Он снова посмотрел на Жанин, еле заметно наморщил брови. *Что ты имеешь в виду?* Она снова переместила взгляд к стене. Там. *Смотри куда и я.* Там.

Он не понял. Что она видела?

Попытался понять.

Сзади зашевелился кто-то из охранников, и они оба среагировали на звук.

Просто дали отдохнуть глазами, без всякой цели смотря перед собой, продолжали обливаться теплой водой, ждали, проверяя, не разоблачили ли их.

Уголком глаза Вильям видел, как один из охранников приближался к ним. Он постучал рукой по пластиковой оболочке душа Жанин и знаками показал ей заканчивать. Растегнул молнию на ее шатре, дал ей полотенце, приказал вытереться насухо и только потом выйти наружу.

Она сделала, как ей сказали.

Бросила последний взгляд на Вильяма. Но увидела только его затылок.

Жанин пыталась послать ему сообщение, но он не понял, а сейчас она не знала свою дальнейшую судьбу.

Пожалуй, все было слишком поздно.

Наверное, она упустила шанс.

Катастрофа приближалась, и ей не удалось ничего сде-

лать.

Она покинула душ и оставила послание за своей спиной.

Только когда охранники увели ее, Вильям увидел, что Жанин имела в виду.

На запотевшей стенке ее палец написал четыре буквы. Короткое сообщение. Которое вот-вот должно было исчезнуть по мере того, как капельки пара сливались вместе и стекали вниз.

AGCT.

Вот и все, что было там.

Вильям посмотрел ей вслед, но она находилась к нему сейчас спиной. Они завернули ее в толстое полотенце, вывели из комнаты, по-прежнему не прикасаясь к ней, через дверь и направо по коридору.

Их взгляды встретились на мгновение. Слишком короткое для общения, и он заметил страх в ее глазах, когда она исчезала из его поля зрения, перед тем как тяжелая дверь закрылась за ней. Страх не по поводу ее ближайшего будущего. А из-за того, что он не увидел ее послание.

Но он ведь прочитал его. Хотя и не понял смысл.

AGCT.

Аденин, гуанин, цитозин, тимин.

И что?

Вильям закрыл глаза. Теплая вода продолжала омыwać его тело, в то время как он заставлял себя думать.

Азотистые основания нуклеиновых кислот. Четыре краеугольных камня ДНК. Вряд ли ведь Жанин имела в виду что-то иное, но почему написала их, почему захотела, чтобы он увидел это?

Он заставлял себя сосредоточиться. Попытался избавиться от страха, связанного с тем, что они, возможно, заразились, вытеснить из головы неприятный осадок от увиденного.

Больная женщина. В карантине.

ДНК.

Вирус.

Именно это она пыталась рассказать?

Генетическая мутация? В таком случае снова: и что?

Вильям не продвинулся дальше, прежде чем мужчины вернулись.

Они остановились перед шатром Вильяма. Приказали ему выключить воду, насухо вытереться внутри, как Жанин сделала до него.

Серьезность в их глазах испугала его. Они боялись. И когда вели его оттуда, с защитными масками на лицах, в резиновых перчатках, чтобы не касаться его тела, не только холод в коридоре заставлял его постоянно дрожать.

В комнате по-прежнему царила полная тишина, когда дверь за спиной Франкена открылась и вошел Коннорс. Франкен остался стоять неподвижно, даже не поднял на него

глаз. Во-первых, он уже по шагам знал, кто пришел, а во-вторых, сомневался, что его взгляд был таким сосредоточенным и уверенным, как он бы хотел. Словно для кого-то являлось секретом то, что все они чувствовали. Как будто неприятное, даже бесчеловечное решение принимается просто небрежным кивком, а потом о нем уже никто не задумывается, словно речь шла о сущей безделице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.